КЭТРИН
КОУЛТЕР
Наследство
Уинделмов

Наследство

Кэтрин Коултер

Наследство Уиндемов

«АСТ»

1994

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Коултер К.

Наследство Уиндемов / К. Коултер — «АСТ», 1994 — (Наследство)

ISBN 978-5-17-103048-3

Наследство Уиндемов – таинственный клад, связавший судьбы двух людей: отважного Марка Уиндема, графа Чейза, рожденного в богатстве и роскоши, и прекрасной Дукессы Кокрейн, бедной сироты. Марк и Дукесса отправились на поиски сказочного богатства, еще не подозревая, что самым драгоценным сокровищем, которое они обретут, станет пылкая, страстная любовь…

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-103048-3

© Коултер К., 1994
© АСТ, 1994

Содержание

Пролог 6
Глава 1 12
Глава 2 17
Глава 3 24
Глава 4 30
Глава 5 37
Глава 6 45
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Кэтрин Коултер
Наследство Уиндемов

Catherine Coulter
THE WYNDHAM LEGACY
Печатается с разрешения автора и литературных агентств Trident media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.
© Catherine Coulter, 1994
© Перевод. О. В. Соколова, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

Ей было девять лет в том июне 1804-го, когда, находясь в гостях в Чейз-парке, она нечаянно подслушала разговор двух служанок.

– Бастид? Ты морочишь меня, Энни? Эта маленькая дурочка бастид? Но ведь все считают ее кузиной, не то из Голландии, не то из Италии.

– Кузина из Голландии или Италии, держите меня?! – расхохоталась Энни. – Да мать девчонки живет в окрестностях Дувра… в весьма уединенном местечке. И его сиятельство посещает ее довольно часто. По крайней мере так говорила миссис Эмери. Не сомневаюсь, это его дочь. У них и глаза одинаковые – синее пятнышек на яйцах малиновки.

– И ведь не постыдился притащить сюда свое отродье, под нос ее сиятельства.

– Таковы уж господа. У его сиятельства хватает отродий по всему свету – одним больше, не все ли равно? Впрочем, это, должно быть, особенное. Она так беззаботно сияет, как будто находится здесь на правах законного члена семьи. Вот увидишь, ее сиятельство сделает вид, что не замечает этой новоявленной кузины. Выдержки ее сиятельству хватит на те две недели, которые девчонка собирается провести здесь.

– Она такая хорошенькая, что лучше и вообразить трудно.

– Вся в его сиятельство, а тот похож на свою бабку, которая, по словам моей матери, была так хороша, что у джентльменов дыхание перехватывало.

– Мать этой девчонки вряд ли имеет право обижаться. В ее-то положении и общипанного мышонка хватило бы, не то что такого красавца, как его сиятельство. Миссис Эмери говорит, они уже двенадцать лет вместе. Столь долго продолжающиеся отношения вряд ли можно назвать любовной интрижкой. Скорее всего у графа Чейза второй брак незаконный…

Служанки отошли, продолжая сплетничать, а она осталась стоять, ошеломленная, в коридорной нише первого этажа, недоумевая по поводу услышанного незнакомого слова «бастид». Из разговора ей стало ясно, что это слово имело какой-то дурной оттенок.

Граф Чейз – ее отец? Она с негодованием встряхнула головой при одной мысли об этом. Нет, он – дядя Джеймс, старший брат отца, навещавший их с мамой по долгу родства. Ее настоящий отец, капитан Джефри Кокрейн, по словам мамы, погиб – был убит французами в 1797-м. В ее представлении отец был героем.

Она вспомнила трогательно-нежный взгляд мамы, когда та говорила: «Твой дядя Джеймс – благородный человек, моя дорогая, влиятельный и ответственный; у него очень много разных обязанностей, но он всегда будет заботиться о нас. Несмотря на то что у него своя семья, он часто навещает нас, так есть и будет всегда. Он любит нас и никогда не покинет».

В девять лет мама отправила ее погостить на две недели к дяде Джеймсу, в его великолепную усадьбу Чейз-парк в окрестностях Дарлингтона, что в Северном Йоркшире. Она умоляла матушку отправиться вместе с ней, но та лишь отрицательно покачала головой, отчего затрепетали золотистые локоны, окружавшие тихим приветливым сиянием ее прекрасное лицо: «Нет, дорогая. Видишь ли, жена дяди Джеймса недолюбливает меня. Постарайся реже попадаться ей на глаза, держись от нее подальше. Обещай мне! И еще – не слишком откровенничай с домашними дяди Джеймса. Не стоит вдаваться в подробности нашей жизни. Во-первых, это признак дурного тона, во-вторых – просто скучно. Гораздо выигрышнее быть молчаливой и казаться загадочной».

К счастью, все сложилось, как того хотела мама, – само собой. Графиня, только увидев ее играющей с другими детьми, заперлась у себя в комнате и с тех пор не появлялась там, где могла быть девочка. Большой обеденный зал оставался теперь по вечерам пустым. Ее кузены тоже старались не появляться там, полагая, что недовольство графини вызвано их шумным поведением.

Но главное было в другом: ее очень удивляло поведение дяди Джеймса по отношению к себе; к тому же он казался ей совершенно другим в этом огромном доме, с лакеями в безупречно сидящих, сверкающих голубых и зеленых ливреях с начищенными пуговицами. У нее было ощущение, что эти абсолютно безмолвные блюстители порядка находятся повсюду: за каждой дверью, за каждым углом. С огорчением она вспомнила коттедж «Бутон Розы», где дядя всегда был очень внимательным и к ней, и к ее матери. Она нахмурилась, отметив с удивлением, что здесь он еще ни разу не обнял ее.

Вскоре, однако, он пригласил девочку в свою библиотеку – комнату, по величине равняющуюся чуть ли не всему коттеджу, где жили они с мамой. Три ее стены были доверху заставлены полками с книгами. Мебель здесь смотрелась громоздкой и темной. Ей показался мрачным даже роскошный ковер, покрывавший пол. Войдя, она сразу почувствовала себя окруженной какими-то глубокими тенями. Наконец она разглядела своего дядю и улыбнулась.

– Здравствуй, дядя Джеймс. Спасибо, что выкроил время для меня.

– Входи, входи, мое дорогое дитя. Хочу познакомить тебя с распорядком в нашем доме и объяснить, как следует держать себя здесь. Я до сих пор не успел представить тебя твоим кузенам, но уверен, что ты достаточно проворная кошечка и успела уже сама познакомиться со всеми. Итак, моя милая, начнем с главного. Ты должна будешь брать уроки вместе с кузенами, а кроме того, наблюдать за ними, подражая их манерам и поведению. Только никогда не бери пример с моего племянника Марка, гостящего здесь так же, как и ты. Он настоящий сын дьявола. – Дядя Джеймс как-то странно улыбнулся. – Гордый и злопамятный. Подумать только, это исчадие ада появилось на свет от моего брата! Никогда не участвуй в его шалостях – ему уже четырнадцать, и он на многое способен… Впрочем, ты так мала, что вряд ли он заинтересуется тобой и станет вовлекать в свои игры. Но будь настороже.

– У меня есть еще один дядя? – заинтересовалась она.

Он нахмурился, явно не желая отвечать на ее вопрос.

– Да, – наконец медленно выговорил он. – Но постарайся не напоминать об этом старшему кузену Марку. Прежде всего ты должна научиться держать себя в обществе. Наблюдай за другими детьми и старайся перенять у них то хорошее, что заметишь. Если же поймешь, что происходит что-то неподобающее, отврати свои глаза и сердце от этого и никогда сама не поступай так. Ты хорошо поняла меня?

Она кивнула. Считая, видимо, разговор состоявшимся, он подошел к ней и погладил по голове.

– Уверен, ты будешь хорошей девочкой, и я позволю тебе гостить здесь каждый год. Но ты не должна быть излишне откровенной. Не стоит посвящать окружающих в подробности своей жизни или делиться своими впечатлениями обо мне. Ничего такого… личного. Впрочем, я не сомневаюсь, что мама уже предупредила тебя обо всем, не так ли?

– Да, дядя, я понимаю, что надо хранить секреты, надеюсь, у меня получится это, и тогда вы с мамой сможете гордиться мной.

Он улыбнулся.

– Воспринимай все как игру. Ты должна помочь себе, мне и маме. А теперь иди к девочкам и постарайся подружиться с ними. Они должны принимать тебя за свою настоящую кузину.

– Но я ведь и есть их настоящая кузина, дядя Джеймс?!

– Да, дорогая, разумеется.

Из всего этого разговора она не поняла ровным счетом ничего, но, любя свою маму и помня ее наставления, она постарается быть приветливой и завоюет расположение окружающих. Разумеется, гораздо приличнее держать язык за зубами и не надоедать ближним.

В первый день мальчики были лишь в меру вежливы с ней, на второй – уже пытались не замечать ее. Однако кузины, или, как их чаще называли, Близнецы, были рады ее компании.

Она чувствовала, что ее положение здесь было не очень почетным…

Что же такое «бастид»?

Почему-то ей захотелось получить ответ на этот столь мучивший ее вопрос из уст графини, человека, который меньше всех был рад ее присутствию в Чейзе.

Постучав в дверь ее комнаты, девочка услышала хриплый голос:

– Войдите.

Застыв на пороге, она смотрела на грузную леди, отяжелевшую от беременности, сидящую на небольшом диванчике с шитьем в руках. Она шила что-то белое, длинное и узкое. Девочку удивило занятие графини – пальцы ее были очень толстыми, распухшими… Черты лица не были красивы, но, вполне возможно, в юные годы она казалась привлекательной. В ней не было ничего общего с мамой – высокой, стройной и изящной. Графиня выглядела изможденной стареющей женщиной. Подняв на вошедшую глаза, она, не скрывая раздражения, прервала ее замешательство:

– Что вам угодно здесь, в моей комнате?

Превозмогая страх, девочка все же вошла в комнату и начала сразу с самого главного:

– Я случайно услышала разговор служанок. Они называли меня «бастид». Не знаю, что это значит, но чувствую… что-то плохое. Вы в этом доме единственный человек, не желающий меня видеть, поэтому я и пришла за разъяснениями к вам. Думаю, вы не пощадите меня, скрывая правду.

Леди рассмеялась.

– Невероятно, и это уже на второй день пребывания! Я всегда говорила, если хочешь узнать что-то наверняка, спроси у слуг, они никогда не ошибаются. Отлично, дитя, «бастид» на их языке означает то же, что и бастард, которым ты являешься.

– Бас-тард… – медленно повторила девочка.

– Да. Это значит, что твоя мама – шлюха, и мой муж, так называемый «дядя» Джеймс, платит ей. – Она снова рассмеялась, откидывая назад голову. Смех продолжался довольно долго, так что казался уже непристойным, как и значение только что произнесенных слов.

– Не могу понять, мэм. Что значит «шлюха»?

– Это женщина, у которой нет моральных устоев. Дядя Джеймс – твой отец, а никакой не дядя. Я его жена, а твоя прекрасная мамочка не что иное, как презренная содержанка, игрушка богатого человека, который держит ее для себя, чтобы… ладно, этого ты уже совсем не поймешь, пока… Но уверена, что в один прекрасный момент ты превзойдешь собственную мамочку. Кстати, неужели тебя никогда не удивлял факт, что твой дорогой дядя – Уиндем, в то время как ты Кокрейн? Нет? Но ты кажешься смышленее матери… Все, хватит, убирайся отсюда. Я не желаю любоваться твоим личиком больше, чем считаю нужным.

Джозефина чувствовала, что теряет сознание: сердце учащенно билось, колени подгибались, к горлу подкатывала тошнота.

Тот день оказался переломным в ее жизни. Девочка притихла, никогда не заговаривала первой, избегала даже смеяться в ответ на чью-либо шутку, чтобы не привлекать к себе лишний раз внимания. Однако такое поведение возымело обратный эффект, и к концу визита в Чейз-парке ее старший кузен Марк вдруг стал называть ее Дукессой[1].

Шестилетняя кузина Антония ревностно отнеслась тогда к этому.

– Что это значит, Марк? Она всего лишь маленькая девочка, как я и Фанни. А разве мы не леди Уиндем? Почему же тогда она – дукесса?

Марк, этот хитрый сын дьявола, посмотрел на маленькую Антонию с высоты роста и сказал:

---

[1] Дукесса – герцогиня.

– Потому что она никогда не смеется, не улыбается и слишком о многом задумывается для своего возраста. Она расточает свои улыбки так, будто это последние гинеи, оставшиеся у нее. А ты не замечала, как быстро исполняют слуги ее приказания? Как они расплываются, стоит лишь ей приветливо кивнуть им? Подожди, – медленно добавил он, – в один прекрасный день девчонка покажет себя во всей красе. Она скоро вырастет, расцветет и станет кровавым цветком…

Джозефина не могла выговорить ни слова, хотя душа ее рвалась от крика. Конечно же, все почувствовали ужасное состояние девочки.

– Дукесса, – прокомментировал ее реакцию Марк, посмеиваясь и переглядываясь с младшими кузинами.

Ее тошнило от слова «Дукесса», но она вынуждена была покорно сносить насмешки. Одни называли ее гордячкой, другие – рассеянной и заторможенной. Она же ощущала себя изгоем.

В следующий раз она встретилась с Марком в Чейз-парке в июне 1808-го. Тогда ей было тринадцать. Он уже учился в Оксфорде и приехал погостить на каникулы. Увидев ее, он рассмеялся:

– Привет, Дукесса. Я слышал, это имя осталось за тобой. Надеюсь, ты не забыла, откуда оно взялось?

Он улыбался, но ей казалось, что кузен заговорил с ней скуки ради. Она холодно и молча смотрела на него, гордо подняв голову.

Марк вопросительно ожидал ответа. Что-то в его взгляде раздражало и оскорбляло ее.

– Вам мешает отвечать ваша надменность или вы, по обыкновению, витаете в облаках, не замечая нас, простых смертных? А помните мое давнее предсказание – тогда вы были совсем маленькой девочкой? Возможно, нет. Вы обещаете стать столь прекрасной, как я и ожидал. Вам, кажется, тринадцать? Так я по крайней мере слышал. А что будет в шестнадцать? Хотел бы я посмотреть на вас тогда… – Он снова рассмеялся, снисходительно похлопав ее по плечу, и направился к выходу.

Марк совершенно ошеломил ее. Сама не зная как, она очутилась в доме. Вот мистер Сэмпсон устремился ей навстречу, улыбаясь, как обычно. Миссис Эмери, следуя за ним по пятам, приглашала:

– Добро пожаловать, мисс, добро пожаловать!

Но гораздо чаще ее называли Дукессой, даже ее отец, даже Энни, которая первая, хотя и невольно, дала ей возможность узнать о своем незаконном происхождении. Ее будоражил вопрос: почему все слуги в доме так приветливы с ней, отлично понимая, кто она? Ведь пятно на ней было неизгладимым.

Если бы кто-то поинтересовался, она могла без промедления ответить, что утратила невинность в возрасте девяти лет.

Однажды, в один из визитов дяди Джеймса в их коттедж, она обнаружила его в постели матери. Это было похоже на ожог. Они обнимали друг друга и смеялись; их головы, золотистая матери и черная дяди Джеймса, соприкасались – и в этом было что-то от союза дьявола с ангелом. Вид у них тогда был удивительно счастливый. Потом она застала их целующимися в узком коридоре второго этажа. Мать была прижата к стене, а ее рот совершенно закрыт ртом дяди Джеймса.

Три месяца назад, до ее ежегодного визита в Чейз-парк, дядя Джеймс признался в том, что он ее отец. Мама же отмалчивалась. Она ничего не ответила ему тогда, сидя на бледно-голубой парчовой кушетке в набитом безделушками будуаре матери. Он объявил ей это неожиданно, без всякой преамбулы:

– Ты моя дочь, не имеет больше смысла скрывать это, по крайней мере пока мы здесь. Ты уже достаточно взрослая, чтобы понимать такие вещи, не так ли, Дукесса? Впрочем, ты,

кажется, уже и без моего заявления знала все. Я вижу это по выражению твоих глаз и изгибу губ. Что ж, ничего удивительного. Я уже говорил маме, что ты наверняка обо всем догадалась, поскольку не глупа и не настолько рассеянна, чтобы не замечать очевидного. – Пожав плечами, он продолжал: – К сожалению, существует такая вещь, как общественное мнение, я должен считаться с приличиями и требованиями моей жены.

Он немало наговорил ей тогда, она уже даже не помнила всего, но понимала, что в тех словах звучало чувство вины взрослого мужчины перед ребенком. Было ли ему важно, что она думала обо всем этом? Осуждала ли она его или была снисходительна? Она не знала и не пыталась рассуждать на эту тему. У нее есть мама, и этого довольно. Он мало интересовал ее.

В конце концов, спокойно кивнув, она сказала:

– Да, дядя Джеймс. Я ваш бастард и знала об этом уже несколько лет. Пожалуйста, не беспокойтесь, ваше заявление не застало меня врасплох.

Он остановился в изумлении. Ее тон был убийственно вялым и безразличным. Каким никчемным, наверное, он казался ей все эти последние годы. Джеймс неотрывно смотрел в ее темно-голубые глаза – его глаза, на иссиня-черные волосы – его волосы, заплетенные в блестящие толстые косы. Правда, ее волосы были более мягкими и вились, как у матери. Возле маленьких ушек из кос выбивались вьющиеся колечки. Он так любил играть мягкими кудрями Элизабет, нежными, пахнувшими чем-то невыразимо сладким! Ее черты проглядывали в лице девочки – чувственно-полный рот, скульптурно вылепленный, тонкий прямой нос. Он отогнал от себя счастливые видения и снова посмотрел на дочь – спокойную, углубленную в себя. Она казалась величественной неподвижной статуей и обескураживала своим поведением. Ему было трудно вспоминать о факте ее появления на свет: вначале он приказал Бесс избавиться от «отродья». Но Бесс заявила, что даст жизнь этому ребенку. Что же касается его, то он может поступать как ему заблагорассудится. Джеймс решил оставить все как есть, потому что любил ее и боялся потерять.

Прошли годы. И вот теперь перед ним сидела его дочь – непонятная, отстраненная и гордая. Это его единственное нежеланное дитя.

Дукесса слишком хорошо запомнила те две недели 1808 года, проведенные в Чейз-парке. Кузен Марк постоянно выводил ее из себя своими шуточками. Казалось, он был рожден для одних лишь каверз. Но это было еще не все. Она испытывала страшную боль потери.

Два младших кузена, Чарли и Марк, участвовали в состязаниях по гребле, которые были устроены на реке Дервент. Оба были на одной из двух столкнувшихся парусных лодок. Более двухсот зрителей с ужасом наблюдали трагедию с берега. С других лодок добровольцы быстро попрыгали в воду, чтобы оказать помощь, но Чарли уже получил смертельный удар по голове и погиб мгновенно. Ударом его перекинуло через борт. Марк-младший вместе с другими нырял под днищами разбитых лодок, надеясь отыскать его, и был убит внезапно обрушившейся мачтой.

Чейз-парк долгое время был в трауре. Отец Дукессы замкнулся ото всех и большую часть дня проводил в своей библиотеке. По ночам тишину дома разрывали крики графини, страдающей ночными кошмарами. Марк-старший ходил бледный и натянутый, упрекая себя за то, что остался живым. Хотя он вообще не участвовал в парусных соревнованиях. В это злосчастное время молодой человек находился на конном заводе в Ротмери, где выбирал себе скакуна для охоты.

Дукесса вернулась в Уинчелзи к своей матери.

В течение следующих пяти лет графиня каждый год рожала, но ни одному из рожденных ею детей не суждено было выжить. Все были мальчиками. Граф Чейз становился все более мрачным и замкнутым. Он начал как-то искоса посматривать на Марка, в котором текла родная

кровь. Ему становилось не по себе от мысли, что их род продолжится через брата. Он хотел своих наследников, собственную линию рода.

В конце концов граф стал чаще появляться в «Бутоне Розы», но оставался теперь таким же молчаливым, как и Дукесса. Его смех перестал звучать, казалось, навсегда. Мать всячески поддерживала его, была, как никогда, нежна и внимательна. Граф боялся возвращаться в Чейз-парк, его пугала жена, вечно беременная, рожающая нежизнеспособных детей.

Теперь старший кузен Марк Уиндем стал наследником Чейза.

Глава 1

«Бутон Розы», Уинчелзи
Январь 1813 года

– Простите, сожалею, что вновь приходится беспокоить вас, но нам необходимо поговорить о многих неотложных делах…

Мистер Жоли. Адвокат ее мамы. Он всегда казался спокойным и выдержанным. Сейчас его голос звучал со странной настойчивостью, но она как будто не замечала этого и не отвечала. Не столько потому, что была подавлена смертью матери, сколько повинуясь своей многолетней привычке. Она умела молча слушать и наблюдать. Что такое важное хотел сообщить ей мистер Жоли? Судя по его многозначительной паузе, отец еще ничего не знает. Она совсем забыла о графе, подавленная горем. Необходимо сообщить… И должна написать ему об этом страшном несчастье она сама. Перед ее глазами вдруг возникла картина – отец недоверчиво читает ее послание, постепенно понимая, что произошло. Дукесса закрыла глаза, представив боль, которую он должен испытать в этот момент. Он безумно любил ее мать. Ее смерть вышла такой неожиданной, казалась нелепостью, злой шуткой.

Несчастный случай. Внезапно надломилась ось колеса, когда экипаж проезжал по извилистой дороге через меловые скалы. Скалы вздымались на высоту от восьми до тринадцати футов и обрывались отвесно у самого берега. Экипаж отнесло вбок и сбросило вниз. Мама, должно быть, погибла мгновенно. Тело ее до сих пор не нашли, хотя минуло уже полтора дня. Его могло отнести далеко в море отливом… «Мамочка, бедная моя мамочка… Господи, надо взять себя в руки». Дукесса, очнувшись, посмотрела на мистера Жоли, который ждал, явно намереваясь продолжить разговор.

– Мисс Кокрейн, поверьте, мне очень трудно говорить с вами об этом в такой момент, но кончается срок аренды на ваш дом, а арендатором его является граф Чейз.

– Я не знала этого.

Ей всегда казалось, что их коттедж был собственностью мамы. Впрочем, разве мужская поддержка не считается самой естественной для женщины? Только почему он оформил его на себя? Чтобы подчеркнуть их зависимое положение?! Все права оставались в его руках. Это было как внезапный злой щелчок, его облик быстро менялся в ее восприятии: вместо несчастного, убитого горем, перед ней возникал властный человек, содержавший женщину ради собственного удовольствия.

Она вдруг почувствовала себя незащищенной. Отец находился в Йоркшире, а она – здесь, совершенно одинокая, если не считать преданного Баджи.

– Я должна написать отцу, – помолчав, сказала она ровным холодным голосом. В эту минуту ей хотелось только одного – чтобы адвокат оставил ее в покое. – Думаю, когда срок аренды закончится, я уеду в Чейз-парк.

– Есть и другое решение, – отозвался мистер Жоли, наклоняясь к ней ближе, словно ищейка, берущая след. Она смотрела на него с нескрываемой ненавистью.

– Другого решения быть не может, – сказала она ледяным тоном.

– Возможно. – Он сидел по-прежнему наклонившись, протягивая к ней руку. – Но если его сиятельство не согласится с тем, чтобы вы жили в Чейз-парке?

– Его жена умерла семь месяцев назад, перед моим последним визитом туда. Лишь для нее одной мое присутствие было нежелательным, что вполне объяснимо. Теперь мне легче понять ее. Как бы то ни было, но ее уже нет, препятствий больше не существует.

– Да, но его сиятельство должен быть очень осторожным, вы сами понимаете, мисс Кокрейн. Существует такая вещь, как мнение света. Он ведь все еще находится в трауре и

должен соблюдать правила приличия. Его соседи весьма наблюдательны, так что графу необходимо вести себя пристойным образом.

– О чем вы? Что за ерунда? Он ведь не под венец идет. Кому есть дело до его побочной дочери, проживающей в Чейзе?

– Поймите, ваш переезд к отцу люди могут воспринять как знак неуважения по отношению к покойной.

Она не собиралась верить ему и не желала продолжать этот разговор.

– Полагаю, что порядочные люди никогда не станут вмешиваться в чужую жизнь, что же касается женских сплетен… Джентльмен не должен придавать им значения. К тому же не думаю, что кто-то выдерживает траур в полном одиночестве. – Дукесса говорила спокойно, но заметно откинулась назад, стараясь не замечать протянутой к ней руки.

Воспоминания вновь завладели ее мыслями, отвлекая от визита навязчивого адвоката. Она вспомнила, как умирала графиня. Причиной смерти стали очередные роды. Младенец не прожил и двух часов. Отец с облегчением узнал о смерти жены, вместе с ней прекращался кошмар последних лет. Ему уже не придется хоронить каждый год своих детей. Она видела наполненные слезами глаза графа и понимала, что он оплакивает не жену, а несчастного ребенка.

– Возможно, и так, мисс Кокрейн, – прервал ее мысли адвокат. – Но что, если существует человек, который хочет помочь вам, защитить вас в этих печальных обстоятельствах и сохранить вам этот миленький коттедж?

Она улыбнулась. Мистер Жоли был заворожен ее улыбкой. У нее показались очаровательные ямочки на щечках, приоткрылись ровные белые зубки…

– Если я решу остаться в этом коттедже, то могу ли узнать, кто будет его официальным владельцем?

– Это сквайр Арчибальд. У вас ведь не хватит денег, чтобы оформить на себя аренду, следовательно, было бы абсурдным ожидать, что он…

Она поднялась, подчеркнуто держа руки по бокам.

– На этом я попрошу вас, мистер Жоли, оставить меня. В дальнейшем, если вам понадобится о чем-либо уведомить меня, обратитесь, пожалуйста, письменно.

Ему не оставалось ничего другого, как тоже подняться. Теперь он холодно смотрел на нее, забыв об очаровательной улыбке.

– Не слишком ли много вы возомнили о себе, мисс Кокрейн? Кажется, ничего не изменилось. Вы всего лишь бастард и останетесь им навсегда. И вы не можете больше жить здесь. Срок аренды истекает пятнадцатого числа следующего месяца, а у вас нет средств, чтобы возобновить контракт. Сквайру Арчибальду уже семьдесят, и ваши чары ему ни к чему. Он считает выгодной эту аренду и совершенно не нуждается в том, чтобы вы согревали его постель. Можете уезжать отсюда, раз надеетесь, что отец обрадуется вашему появлению. Но не забывайте, он любил и желал вашу мать, но ее уже нет в живых, а вы… вы были для него лишь неизбежным дополнением. Я хотел проявить участие и позаботиться о вас, мисс Кокрейн…

Она страшно побледнела, глаза загорелись гневом. Все ее существо пронзила тупая боль. Некоторое время она продолжала смотреть на него, потом развернулась и вышла из гостиной в маленькую соседнюю комнату.

Мистер Жоли был сконфужен: она не ответила. Вдруг это означает, что его предложение может быть рассмотрено? Глупо было бы упускать такой шанс. Ее поведение он воспринимал как неслыханную наглость и высокомерие, но шанс все-таки сохранялся. Интересно, оставалась ли она еще девственницей? Он никак не мог решиться покинуть коттедж, как вдруг в дверях возник Баджи, приставленный к миссис и мисс Кокрейн для охраны. Это был широкоплечий мужчина довольно устрашающего вида.

Мистер Жоли сделал шаг назад.

– Сэр, – мягко начал Баджи, – если вы не унесете свои ноги отсюда в течение нескольких минут, о вашем поведении станет известно его сиятельству. Очень сожалею, он вряд ли будет в восторге от вашего визита.

– Ха! – Мистер Жоли был уверен, что этот гигант плохо разбирается в истинном положении дел. – А что, если вы заблуждаетесь? Возможно, его сиятельство будет рад избавиться от своего маленького бастарда. Вскоре, Баджи, вы сами окажетесь без жалованья. Неужели непонятно, насколько выгодно мое предложение? Вам необходимо убедить ее в этом. Разумеется, я понимаю, что вы не обучены говорить достаточно красиво, но ваше влияние… Вы так давно здесь, что уже можете считаться членом семьи.

Баджи, усмехнувшись, подошел к адвокату и… вдруг, легко подхватив его одной рукой за талию, так что тот оказался под мышкой, понес к выходу. Через минуту незадачливый адвокат был выброшен на улицу. Вернувшись в дом, Баджи улыбнулся вышедшей навстречу Дукессе.

– Не беспокойтесь, с ним все в порядке, пусть немного охладится на снегу. – Он ваял ее руку и сложил в кулак. – Большой палец надо убирать внутрь, вот так. Почему ты не наградила его щелчком по носу, Дукесса?

Девушка попыталась улыбнуться, но не получилось. Мышцы лица не слушались ее. Казалось, она застыла, холод пронизывал ее не меньше, чем землю вокруг коттеджа.

– Я была бы рада никогда не встречаться с ним, Баджи.

– Неудивительно, – ответил он. – Но не забывайте, если какой-нибудь парень захочет переступить черту, дайте ему как следует в челюсть, а потом придавите коленом его горло так сильно, как только сможете.

– Так я и поступлю в следующий раз. Обещаю. Спасибо, Баджи, за помощь.

Удовлетворенно хмыкнув, он отправился на кухню, чтобы приготовить соус с пряностями для цыплят, которые в это время уже обжаривались в гриле.

Кухарка мисс Присс два года назад отправилась в Велдфорд проведать больную тетушку, да так и не вернулась. Баджи без лишних разговоров принял на себя ее обязанности. Он оказался искусным поваром.

Через некоторое время Баджи услышал звук открывающейся двери в гостиную и увидел Дукессу, грациозно присевшую за бюро. Она собиралась написать письмо графу о постигшей их общей утрате.

Граф Чейз узнал о смерти своей возлюбленной и без этого письма. Печальную весть принес его секретарь, мистер Криттакер, через него же Дукесса получила уведомление от отца о том, что она должна паковать свои вещи и быть готовой к приезду за ней кареты из Чейза. Ей разрешалось взять с собой и Баджи. Граф отводил дочери на сборы две недели.

Но две недели прошли, а за ней так никто и не приехал. Дукесса не знала, что делать, и часами убивала время у окна в ожидании кареты. Она уже подумывала о том, чтобы написать отцу вторично и напомнить о его намерениях в отношении ее. Но что-то сдерживало ее. Лучше подождать. Напоминать о себе казалось унизительным. Прошло четыре дня сверх положенного срока.

«Он тоскует по моей матери и не хочет больше видеть меня. Он забыл обо мне. Я осталась одна. Что мне делать?» – в отчаянии думала она.

И вдруг девушка осознала, что всегда боялась ежегодных визитов в Чейз-парк. Каких усилий стоил первый шаг в парадный холл со старинной дубовой обшивкой вдоль стен. А эти портреты предков в тяжелых золоченых рамах. Поднимаясь по центральной лестнице, она ощущала слабость в коленях и холод в желудке, чуть ли не судороги. Каждый раз, переступая порог этого огромного дома, она напоминала себе, что должна завоевать расположение всех – от благородных хозяев до слуг. Каждый ее приезд должен быть желанным для них.

Последний раз, когда она была у отца, графини уже не было в живых. Некому было смерить ее холодным, презрительным взглядом. Прошло лишь две недели со дня ее смерти, и весь дом был в трауре. Стены затянули черным крепом. Все женщины в доме носили черные платья, а мужчины черную ленту на рукаве. Она слышала, как слуги шептались по углам, что графиня была уже слишком старой для деторождения и, дескать, несчастная, умирая, проклинала своего мужа, вынуждавшего дать ему наследника. Он без конца принуждал и принуждал ее, а разве она не подарила ему уже двух сыновей и девочек-близнецов? Разве она повинна в гибели мальчиков? Все ждали, что скоро граф приведет в дом новую, молодую жену, которую тоже заставит рожать каждый год, дабы иметь ораву наследников, чтобы не дрожать за каждого. Кто-нибудь из них наверняка унаследует титул и земли Уиндемов. Мужчине достаточно нести траур шесть месяцев. Он вовсе не обязан оставаться один целый год, как ее пытался убедить сегодня этот ничтожный Жоли… Дукесса вздрогнула, вспомнив, что это время уже прошло. Возможно, как раз теперь ему и будет мешать ее присутствие в Чейз-парке. Что, если граф уже выбрал новую жену? Вряд ли он захочет огорчать ее постоянным присутствием в доме своей незаконнорожденной дочери. Разумеется, в семье должны царить счастье и гармония. Но почему бы ему просто не написать ей обо всем этом? Она знала, что у отца хватает недостатков, но невозможно представить его трусом… Такое предположение лишено всякого смысла.

Она стояла у окна, вглядываясь в грозовые тучи, гонимые яростным ветром с Ла-Манша. Начал накрапывать дождь – пока еще только накрапывать, – но Дукесса хорошо знала, что последует дальше. Скоро разразится гроза, и шквал воды ударит в стекла.

Что ж, даже если он и бросил ее на произвол судьбы, не стоит обвинять его в жестокости. Он поддерживал их с матерью в течение восемнадцати лет, и два года – маму до ее рождения… Разумеется, Бесс хотелось стать его женой, но она оставалась содержанкой, лишенной законных прав, уповающей лишь на милость своего покровителя.

Лучше бы погибнуть вместе с мамой, чем теперь переживать такое отношение отца. Наверное, он решил, что в восемнадцать лет человек вполне может заботиться о себе сам. Но неужели ему было не стыдно лгать? Зачем он предложил ей готовиться к переезду в Чейз? Для чего ему понадобилась эта ложь? Она не могла понять, чувствуя себя бесконечно одинокой.

Ее мама никогда не получала ни писем, ни подарков от каких-нибудь родственников даже к Рождеству. Никаких братьев, сестер или тетушек. Они всегда были вдвоем, если не считать визитов графа.

Потоки воды обрушились на окна. Дукесса мучительно искала выход из создавшегося положения. Адвокат матери уже подсказал одну мерзкую идею. Что ж, у него были на это основания. Он, как никто другой, был осведомлен о делах матери и отлично знал, что никакая она не вдова, а лишь содержанка. Стоит ли церемониться с ее дочерью…

В реальный мир ее вернул пронизывающий холод. Сумерки сгущались. Она подбросила несколько поленьев в камин и заходила по комнате, размышляя. Дукесса понимала, что надо найти себе какое-нибудь занятие. Но какое? Она не может быть даже гувернанткой, для этого нужны рекомендации. По той же причине невозможно устроиться компаньонкой к какой-нибудь знатной леди. К тому же не в ее правилах льстить и угождать. Она почти ничего не умеет, потому что получила благородное воспитание. Единственный ее талант… да, пожалуй, так… она нравится мужчинам. Нужно постараться найти мужа, который закроет глаза на ее происхождение.

Дукесса все ходила и ходила по комнате. Боль и обида постепенно заполняли все ее существо. Ей уже хотелось кричать. Бедная ее мама! Она любила своего покровителя больше, чем дочь… Она любила его больше, чем ненавидела то зависимое положение, в которое он ее поставил!

Мистер Жоли напрасно считает, что знаком с нравами общества лучше ее. Дукесса упрямо сузила глаза, вспомнив, как впитывала светскую хронику из «Лондон таймс» и прави-

тельственной газеты еще в возрасте десяти лет. Уже тогда ее стали раздирать противоречия. С одной стороны, она страстно хотела блистать в светском обществе, с другой – испытывала по отношению к его предрассудкам и нелепым условностям глубокое презрение. Да, она знала нравы света, как и то, что обладает красотой и редким умением нравиться. Но ей никогда не приходило в голову использовать этот талант с тем, чтобы пробиться в жизни.

Дукесса остановилась, уставившись в окна, затянутые мутной пеленой дождя. Да, без сомнения, она обладает редкостной красотой. Но как использовать этот божий дар? Она не желает быть зависимой. Что, если посоветоваться с Баджи? Наверняка он сможет подсказать многое.

Поднимаясь в спальню, она вдруг улыбнулась – впервые со дня смерти матери.

Глава 2

Йоркшир
Чейз-парк, окрестности Дарлингтона
Март 1813 года

Мистеру Криттакеру предстояло выполнить пренеприятную обязанность. Выбора не было; страшно волнуясь, он пытался собраться с мыслями – необходимо было представить дело так, чтобы избежать неприятных последствий. Наконец решившись, он постучал в дверь библиотеки. Было уже за полночь. Мистер Криттакер предполагал реакцию графа на столь поздний визит. Эти ночные часы принадлежали только ему. Не последовало никакого ответа. Мистер Криттакер постучал снова, чуть более настойчиво.

Наконец послышался раздраженный голос:

– Да входите же, вы ведь все равно не перестанете царапать дверь.

Владелец Чейза стоял перед камином из белого с розовыми прожилками каррарского мрамора, который, вне сомнения, был украшением этой комнаты, три другие стены которой были заняты полками с книгами, поднимавшимися на высоту двадцати двух футов и содержащими более десяти тысяч томов. Комната была очень уютной, что давало возможность сосредоточиться и углубиться в занятия. Одинокий подсвечник стоял на столе, но слабое освещение лишь подчеркивало уют библиотеки, а горящий камин из теплого розового мрамора приятно оживлял ее. В облике графа не замечалось особого напряжения, связанного с работой. Он лишь повиновался своему капризу, наслаждаясь одиночеством и тишиной.

– В чем дело, Криттакер? Ты мало дергал меня весь день? Я устал подписывать бесконечные бумаги. Мне еще даже не удалось смыть до конца чернила, которые въелись в пальцы… Ладно, так уж и быть, говори. Что там еще у тебя?

– Простите, милорд, – начал Криттакер, не зная точно, как лучше изложить речь кающегося грешника. Он готов был вытерпеть любое словесное наказание, но реакция графа могла быть более резкой. Мало приятного быть выброшенным в снежную бурю холодной мартовской ночью. Он слегка прокашлялся: – Милорд, ради всего святого, простите меня, но я забыл о мисс Кокрейн!

По тону, выражению лица графа было очевидно, что тот не понимает, о ком идет речь; наконец, выходя из прострации, он проговорил, очень медленно:

– Мисс Кокрейн?

– Да, милорд, именно так, мисс Кокрейн.

– Кто такая мисс Кокрейн?

– Дукесса, милорд. Я совсем забыл о ней. Сначала умерла ее мама, потом – ваш дядя. Среди всех приготовлений к вашему приезду она совершенно выпала из моей памяти. Я был обязан напомнить вам о ней.

Восьмой граф Чейз продолжал безмолвно смотреть на своего секретаря, служившего совсем недавно его дяде, ныне покойному. Наконец он пришел в себя.

– Ты забыл о Дукессе? Ее мама умерла? Потом – мой дядя. Мой бог, как давно все это было! – Он сделал ему знак садиться. – Рассказывайте все, не упуская ни малейшей детали.

Мистер Криттакер, уже считавший себя выгнанным из дома, слегка приободрился, удивленный той легкостью, с которой граф принял известие. Он продолжил, с трудом подбирая слова:

– Ваш дядя… э-э… его… э…

– Женщина, которую он содержал, – пришел вдруг ему на помощь граф, – в течение двадцати лет. Так что с ней?

– Да, миссис Кокрейн. Она умерла. Несчастный случай. Разбилась в экипаже. Ваш дядя приказал мне немедленно написать мисс Кокрейн, чтобы она упаковывала свои вещи. Он обещал прислать за ней карету через две недели.

– Все понятно, – откликнулся граф. – И сколько недель уже прошло, Криттакер?

– Восемь, милорд.

Граф уставился на него в изумлении:

– Ты хочешь сказать, что восемнадцатилетняя девушка осталась совершенно одна на два месяца?

Мистер Криттакер готов был провалиться сквозь землю.

– С ней оставался надежный слуга…

Граф никак не отреагировал на это замечание.

– Но почему она не написала моему дяде? Почему не напомнила, чтобы он прислал за ней карету?

Чувствуя еще большую неловкость, Криттакер пробормотал:

– Она могла подумать, что ваш дядя больше не нуждается в ней после смерти ее матери. Он никогда не был с ней особенно ласков, по крайней мере здесь, в Чейзе. Она же гордячка, милорд. Вы сами знаете это. Она – Дукесса.

– Одно из двух. Или письма от нее не было, или оно просто затерялось среди кучи разных бумаг, Криттакер.

Мистеру Криттакеру послышались завывания холодного ветра, он снова представил себя, одного среди ночи, на снегу.

– Нет-нет, я совершенно уверен, письма от нее не было.

Граф пробурчал какое-то длинное ругательство. У мистера Криттакера хватило сил притвориться глухим. Его сиятельство успел заслужить чин майора в армии, которую оставил лишь шесть недель назад, чтобы вступить в права наследства.

– Как же вам удалось теперь вдруг вспомнить о ней? – желчно осведомился граф.

Мистер Криттакер нервно одернул свой галстук-бабочку:

– Мне напомнил о ней мистер Спирс.

– Спирс, – повторил граф, улыбаясь. – Камердинер дяди напомнил тебе о Дукессе?

– Да, он всегда любил ее, – ответил Криттакер. – Ему казалось, что она теперь живет в доме вашего дяди в Лондоне.

– Понятно, – сказал граф и погрузился в раздумье. Мистер Криттакер не шевелился, хотя ему мучительно хотелось подергать себя за ухо – привычка, оставшаяся с детства; пришлось сконцентрировать всю свою волю, чтобы удержать руки.

Наконец граф принял решение:

– Что ж, придется мне завтра проехаться в Сассекс. Я отправлюсь с утра, а назад вернусь с мисс Кокрейн.

– Очень хорошо, милорд.

– Но, Криттакер, почему твоя бабочка не на месте? – Голос графа вдруг дрогнул. – Мне не очень приятно говорить об этом, но если с мисс Кокрейн за это время что-нибудь случилось, тебе придется оставить службу в нашем доме.

Граф сосредоточил свое внимание на углях, тлеющих в камине.

Забыл! Мой бог, как мог Криттакер забыть о ней! У него кровь стыла в жилах при мысли, что чувствует сейчас Дукесса, одинокая, всеми покинутая, оставшаяся без всякой защиты на целых два месяца. С другой стороны, разве он сам вспомнил о ней? Из всех домашних это сделал один лишь Спирс. Марк не видел ее целых пять лет, с того самого проклятого лета, когда утонули его кузены. Стала ли она такой красавицей, как он ожидал?

Впрочем, что особенного в том, что о ней забыли? Она всего лишь какая-то побочная кузина. Но ради памяти дяди он обязан позаботиться о ней. Хотя… как он может устроить ее жизнь? Это был вопрос вопросов.

На следующий день Дукесса была главной темой разговора. Все обитатели дома собрались в старинной Зеленой гостиной, декор и предметы обстановки которой относились ко времени Генриха VIII.

– Дукесса, – говорила тетушка Гвейт, со значением поглядывая в сторону Близнецов, – самая тихая и прекрасная девочка, какую я когда-либо видела.

– Разве вы могли видеть так много девочек, – сказала Антония, отрываясь от романа Рэдклиф, – красивых или благовоспитанных, с которыми могли бы сравнить Дукессу? Вы ведь никогда не выезжали из Норка?!

– Как бы то ни было, надеюсь, что с ней все в порядке. Как мы могли о ней забыть? Это недопустимая ошибка с нашей стороны! Она, должно быть, страшно переживает.

– Ничего, Марк позаботится о ней, – вмешалась Фанни. – Он придумает что-нибудь. Увидев его, она сразу забудет все горести. Нужно было и мне поехать вместе с ним, чтобы он не скучал в дороге.

– Желаю тебе преодолеть свою несчастливую влюбленность в кузена, – сказала тетя Гвент, посматривая на Фанни. «Подумать только, сын Рида Уиндема – владелец Чейза! Боже, а ведь он вполне мог погибнуть в сражениях с французами или от руки партизан в Пиренеях! Благодарение Богу, он выжил, хотя Джеймсу и не доставляло удовольствия в последнее время сознание того, что Марк стал его наследником. Столько детских смертей… и все – мальчики!» Она готова была поклясться, что, едва отправив жену в фамильный склеп Уиндемов, Джеймс начнет искать себе новую, которая подарит ему наконец наследника. Но судьба распорядилась иначе.

Марк был красив. Густые черные волосы и блестящие темно-голубые глаза были отличительной чертой Уиндемов. Подбородок, «упрямый, как у бешеного мула», по определению Джеймса, говорил о сильном характере. Она вздохнула. Им всем предстоит испытать его характер. Марк был очень высоким – выше своего дяди – и обладал резким голосом, будто нарочно созданным для того, чтобы отдавать приказы и делать выговоры. Она слышала, как Спирс говорил Сэмпсону, что у Марка хватит твердости характера дать отпор любому недоброжелателю. От него веяло силой и надежностью, что, конечно, было приятно осознавать.

Он был в Чейзе всего четыре недели, оставив вдовствующую мать в их поместье Грэнфорд в Нижнем Слотере. Та отказалась ехать с ним. Теперь Марк – владелец Чейза, но он по-прежнему скорее откликается на просто Марка Уиндема, чем на графа Чейза. Возможно, он иногда по-прежнему ощущает себя на вторых ролях – сыном младшего брата, у которого нет других перспектив, кроме военной карьеры. Да, судьба переменчива и любит преподносить сюрпризы.

– Я вовсе не влюблена в него, – сказала Фанни. – Хотя он и недурен. К тому же, тетя, ты, наверное, согласишься с мнением папы. Помнишь, он говорил, что Марк мог быть очень хорошим, если бы не его дурная кровь.

– У Марка дурная кровь! – рассмеялась тетя Гвент. – А я-то думала, что в нем течет та же кровь, что и у твоего отца.

– Надеюсь, ничего плохого не случилось с Дукессой, – вмешалась Антония. – Целых два месяца одна. Возможно, она вернулась к себе в Голландию, тетя Гвент?

Фанни, сделав еще один стежок, отложила вышивание в сторону.

– Папа, наверное, принял бы решение отправить ее в Лондон на светский сезон, где она могла найти себе мужа. Он бы выделил ей приданое. Как ты думаешь, тетя Гвент, не могла ли она вернуться в Италию? Она ведь не из Голландии, Антония.

Тетя Гвент горестно покачала головой. Боль и гнев слышались в ее голосе, когда она заговорила:

– Твоему папе ужасно не повезло с лошадью. Проклятый жеребец убил его.

– На этом «проклятом» он ездил восемь лет, тетя, – сказала Фанни, и губы у нее вдруг задрожали. – Отец так любил эту лошадь! Попадая под дождь, он беспокоился больше о ней, чем о себе. По-моему, отец переживал за нее больше, чем за нас с Антонией, по крайней мере у меня создавалось иногда такое впечатление.

Гвент знала, каким отличным наездником был Джеймс. Да, он любил рисковать, но Бог хранил его до этого ужасного случая.

Поссорившись со своим старинным приятелем, он вдруг понесся вскачь верхом. Приятель хотел остановить его и погнался за ним. Джеймс хотел крикнуть, чтобы тот отстал от него, и обернулся в седле. В этот момент он на лету ударился о низко склонившуюся толстую ветвь дуба. Его вышибло из седла, и… Смерть наступила мгновенно.

В то время, когда произошло это ужасное событие, Марк, которому было двадцать три года, находился вместе со своим батальоном в Пиренеях, куда и пришло сообщение о случившемся, а также о том, что он теперь становится владельцем Чейза. Восьмой граф Чейз. Гвент удивлялась, как спокойно мог Марк спускаться по парадной лестнице в туфлях своего покойного дяди, как легко шел по роскошным персидским коврам. Порой казалось, что он делает это с безразличием захватчика.

– Не думаю, что Марк выделит приданое для Дукессы, чтобы она могла подцепить мужа, – сказала Фанни, поднимаясь и расправляя юбку. Она взяла себе печенье с изящного серебряного подноса.

Антония фыркнула:

– Ей и не надо никакого приданого, предоставьте ей лишь шанс выбраться в свет. Увидев Дукессу, джентльмены будут наперебой просить ее руки и сердца. Это же героиня романа Рэдклиф, она так же невероятно хороша собой и добра и так же бедна, как церковная мышь. У этой героини уже три поклонника с предложениями руки и сердца.

Гвент перебила свою неуемную племянницу:

– Послушай, Фанни, хватит с тебя и одного печенья. Не развращай нас своим примером. Маджи говорит, что тебе пора распускать вытачки на талии. Вы с Антонией уже в таком возрасте, когда должны избавляться от младенческих припухлостей, а не наоборот. Кроме того, Антония, знай, что твоя мама не одобрила бы чтения романов миссис Рэдклиф.

Нижняя губка у Антонии задрожала, и тетя Гвент, вздохнув, сказала:

– Но раз тебе это кажется таким интересным, может быть, прочтешь вслух какой-нибудь подходящий пассаж для нас с Фанни?

Смарден
Графство Кент, коттедж «Милый Крошка»
Июнь, 1813 года

Марк подскакал на своем поджаром гнедом жеребце Стенли к коттеджу «Милый Крошка» и, спешившись, поставил коня на привязь. Он чувствовал усталость в мышцах и раздражение от случившейся отсрочки, но, кажется, на этот раз он уже окончательно отыскал Дукессу. Марк разрывался между желанием поцеловать землю под ногами и задушить Дукессу, причинившую столько беспокойства всей семье и ему.

Прошло уже почти три месяца с того дня, когда, прибыв в «Бутон Розы», он узнал о том, что Дукесса отбыла в неизвестном направлении вместе со своим слугой. Она никому не сообщила о своем маршруте. Это выглядело странным и неприличным – восемнадцатилетняя девушка, путешествующая вдвоем с мужчиной, не важно, слуга он или нет, стар или молод.

Марк дал себе слово во что бы то ни стало найти девушку. Для этого пришлось привлечь Спирса, который в соответствии с полученным приказанием выехал в Уинчелзи. Но поиски там не принесли результата, и Спирс отправился в Лондон. Возвратившись в Чейз, Спирс протянул Марку кипу лондонских газет.

– Коттедж «Милый Крошка», Смарден, Кент.

Она жила там со своим слугой уже почти шесть месяцев.

Марк успокаивал себя. В конце концов, ничего страшного, это не трущоба. Очаровательный домик, весь утопает в свежей июньской зелени. Здесь было по крайней мере с дюжину дубовых деревьев, клены, лиственницы и липы. Аллея, ведущая к дому, была обсажена ухоженным кустарником из жимолости и выложена гранитными плитами. На живописной поляне перед домом росли шикарные розы и далии. Домик был выкрашен в белый цвет, и на этом фоне контрастно выделялись красные рамы окон. Не слишком ли уютное местечко? Как она могла платить за все это? Он в который раз отогнал от себя навязчивую мысль о покровителе. Нет, это не похоже на Дукессу. Она слишком горда и независима.

Марк подошел к фронтальной двери. В окна домика заглядывали пышные шапки роз и гортензий. Все, что он хотел, это найти ее здоровой и счастливой.

Баджи, открывший дверь, в изумлении уставился на молодого человека. Марк, испытывая неуютность положения, медленно проговорил:

– Вы живете здесь, сэр? Вы владелец коттеджа? Дук… мисс Кокрейн уже уехала отсюда?

– Да, я живу здесь, – сказал Баджи, не отступая ни на дюйм от порога.

Марк ругнулся, и в глазах Баджи зажглась искорка удивления.

– Вы побывали в Пиренеях, сэр? – спросил Баджи.

– Да, но теперь я несчастный граф, потерявший покой.

– Могу я осведомиться об имени вашего сиятельства?

– Чейз, граф Чейз.

– Если так, – начал Баджи, занимая оборонительную позицию, – то вам лучше поскорее удалиться, сэр. Я бы не хотел повторяться, надеюсь, вы поняли смысл моих слов?

Мало того что он загораживал вход в дом, теперь его огромные руки еще и сжались в кулаки. Марк видел, что тот готов вцепиться ему в горло, но не понимал почему.

– Я сказал правду и не собираюсь отказываться от своих слов. Я действительно граф Чейз, но только не седьмой, а восьмой. Прежний владелец Чейза умер. Мне пришлось долго искать мисс Кокрейн. После смерти графа Дукессу забыли на какое-то время. Несчастье было таким внезапным… Но потом мистер Криттакер напомнил мне о ней. Я немедленно отправился в Уинчелзи, но не успел. Она уже уехала оттуда. Мы искали ее повсюду три месяца… Неужели ее уже нет и здесь?

– Вы Марк Уиндем? – осведомился Баджи.

– Да.

– Старый граф называл вас «сыном дьявола».

Марк усмехнулся.

– Дядя любил преувеличивать.

– Так говорите, что ее отец умер?

– Да, и прошло уже шесть месяцев с его смерти. Несчастный случай, он был выбит из седла. Но почему вы так настойчиво расспрашиваете меня? Она еще здесь? Вы ее слуга?

– Потому что никто из вашей семьи никогда не приходил к нам. Может быть, это и странно, но мы уже и не думали, что это случится. Так, значит, граф умер внезапно, несчастный случай? – Дождавшись кивка Марка, Баджи продолжил: – Дукесса как-то рассказывала мне о вас. Но очень немного. Я лишь знаю, что благодаря вам к ней приросло имя – Дукесса и что вы – «сын дьявола». Не думаю, сэр, что она очень обрадуется вам.

Марк рассмеялся.

– Мне нет дела до ее симпатий или антипатий. Я приехал сюда лишь узнать, все ли с ней в порядке.

– Вам не стоит утруждать себя беспокойством.

– И она ни в чем не нуждается?

– Разумеется, нет.

– Но как ей удается содержать этот коттедж?

– Об этом, сэр, – ответил Баджи, становясь внезапно строгим как епископ, – вам лучше спросить у самой мисс Кокрейн.

– В таком случае, может быть, вы пригласите меня войти? Я бы очень хотел поговорить с ней. Вы, очевидно, ее слуга? – опять поинтересовался Марк.

– Я – Баджи и помогаю Дукессе вести хозяйство так же, как раньше, когда была жива ее мама. – Он наконец сделал шаг в сторону, предоставляя Марку возможность войти.

Минуя небольшой коридорчик, они очутились в прихожей, перед лестницей, ведущей на второй этаж. Марк уловил запах жареной дичи. От соблазнительного запаха у него буквально слюнки потекли. Вдруг он уловил звуки тихой мелодии. Песенку пела женщина.

– Подождите здесь, сэр, – сказал Баджи и, открыв дверь справа, мгновенно исчез за ней. Мелодия оборвалась.

Марк чувствовал себя голодным, усталым и не мог поверить, что его заставляет ожидать в тесной прихожей какой-то слуга. Но не только это выглядело странным: Марка очень удивил язык слуги – он говорил по-английски не хуже иного джентльмена, окончившего Итон.

Ладно, главное, что Дукесса окружена по крайней мере домашним уютом. И она не одинока. Но вопрос о том, кто оплачивал содержание коттеджа, вновь возник у него в голове. Невероятно…

Наконец дверь, за которой скрылся Баджи, приоткрылась.

– Можете войти, сэр, – пригласил слуга. – Мисс Кокрейн готова принять вас.

«Дукесса», – раздраженно подумал Марк, не ожидавший подобных церемоний.

Комната оказалась небольшой, но очень приятной и комфортабельной. Она была обставлена и с любовью, и со вкусом. Первое, что бросилось в глаза Марку, – кипы газет рядом с кушеткой. Газеты он заметил даже раньше самой Дукессы, их было слишком много, стопка на стопке. Казалось, их копили лет пять.

Перед ним стояла самая прекрасная девушка, которую он когда-либо встречал в своей жизни. Марк вспомнил свое предсказание: тогда ей было всего тринадцать… На ней не было ничего роскошного – скромное платьице из серого муслина с воротом под горло и длинными рукавами с манжетами, плотно облегавшими запястья и застегнутыми на пуговки. Ее блестящие черные волосы были сплетены в косу и уложены вокруг головы. Никаких драгоценностей, а на щеке красовалось пятнышко от чернил. Она встретила его спокойным, уверенным взглядом, по своему обыкновению молча.

– Что ты делаешь с этими газетами? – вымолвил он первым.

– Прежде всего здравствуй, Марк!

– Здравствуй, Дукесса! Разумеется, следовало начать с этого.

Она едва заметно кивнула.

– Баджи сказал, что мой отец умер и поэтому обо мне все забыли. Как бы то ни было, но я осталась одна, и уже ничего нельзя изменить.

– Прости меня, Дукесса. Криттакер был совершенно выбит из колеи и не напомнил мне о тебе. Я думал, тебя уже как-то устроили. Сейчас я приехал за тобой, и мы вместе отправимся в Чейз.

Она нахмурилась, продолжая оставаться неподвижной. Он с горечью отметил, что девушка не поцеловала его в знак приветствия. Черт возьми, могла хотя бы подать руку, ведь, в конце концов, она его кузина. Неужели Дукесса совершенно не рада его приезду?

Вдруг он осознал, что девушка находится в глубоком шоке. Сначала смерть матери, потом – отца… И все это меньше чем за неделю.

– Прости. Я принес тебе печальную весть. Твой отец даже не успел почувствовать боль. Смерть была быстрая и легкая. Я понимаю, что мои слова не могут принести тебе облегчения. Сожалею, что вынужденно причинил столько боли. Но жизнь продолжается, и надо думать о дальнейшем устройстве.

– Спасибо, что ты рассказал мне обо всем. Я боялась услышать от тебя другое. Мне казалось, он сознательно хочет забыть о моем существовании, чтобы я не напоминала ему о счастливом прошлом, о его любимой.

– Теперь ты должна знать, что это не так. Он никогда бы не бросил тебя.

В открытой двери показался Баджи:

– Гусь уже готов, Дукесса. Он уже на блюде в окружении печеного картофеля и свежих зеленых бобов. Картофель приправлен мелко нарезанной петрушкой. Кроме того, я приготовил пирожки с яблоками, твои любимые. Его сиятельство присоединится к тебе? Сейчас как раз время обеда.

Она рассеянно кивнула.

– Вы успели проголодаться, сэр?

– О да! Я был весь день в пути. Но не сможет ли кто-нибудь позаботиться о моем жеребце?

– Придется вам сделать это самому, сэр, – ответила она. – Баджи слишком занят сейчас.

– Понятно, – ответил Марк и, развернувшись на каблуках, покинул комнату. Баджи крикнул ему вслед:

– Позади коттеджа есть навес, вы можете привязать его там.

Марк не имел ничего против того, чтобы самому позаботиться о своем жеребце, и занялся им, не переставая удивляться положению Дукессы. Ее слугой был человек, говоривший по-английски как истинный джентльмен; изощрялся в кулинарном искусстве… Внешность у него была не слишком приятной, но он казался сильным, как кряжистый дуб. По возрасту он годился ей в отцы, но он ведь не был ни ее отцом, ни даже отдаленным родственником, насколько всем известно. Почему же он так заботился о ней? В его лице Дукесса явно имела защитника.

А он-то, Марк, боялся, что она умирает от голода. Нет, она спокойно мурлычет какую-то песенку. Девушка прекрасна так, как он и вообразить не смел.

Насколько ему известно, у ее матери не было средств, дававших возможность жить самостоятельно.

Какое же богатство могло вдруг свалиться на нее?

Глава 3

Марк отодвинул от себя тарелку, удовлетворенно вздыхая. Дукесса тоже успела закончить трапезу и сидела опять спокойная и невозмутимая, будто его приезд не произвел на нее никакого впечатления. Во время обеда она сохраняла выжидательную позицию, умело выдерживая паузы. Такой он всегда и знал ее. Она лениво поворачивала в пальцах бокал с вином. Марк заметил, что он был отличного качества, из прекрасного хрусталя и, должно быть, стоил несколько гиней. Таким же был и его бокал – очевидно, имелся целый набор таких. Но кто же платит за все это? Мужчина, с которым она привыкла обедать?..

– Баджи – искусный повар, – с чувством заметил Марк.

– Да, и это не единственный его талант.

– Какими же еще талантами он обладает? – осторожно спросил Марк.

Она лишь пожала плечами, не считая нужным отвечать. Тон Марка был нескромным.

– Ты прекрасно выглядишь, – заметил тогда он. – А мы все очень беспокоились о тебе.

«После того как вспомнили наконец о моем существовании», – подумала она.

– Спасибо, в рвении разыскать меня ты превзошел самого себя. Насколько я помню, ты всегда больше всего ценил свои развлечения и удобства.

– О, в армии мне пришлось отвыкнуть от этого. Я не успел тебе еще рассказать об армейском периоде своей жизни. Мне пришлось выйти в отставку после смерти дяди. На самом деле я вовсе не жаждал графского титула… хотя зачем я все это говорю? Тебе, наверное, трудно в это поверить. Я и не надеялся стать владельцем Чейза, ожидая, что дядя вскоре женится и жена подарит ему наследника. Все так думали. Так бы и случилось, если бы не его смерть.

– Это очень странно, не понимаю, почему он не женился раньше?

– Прошло всего семь месяцев со дня смерти его жены. Возможно, он хотел дождаться года. Мой дядя был очень чувствительным к мнению света.

– Он очень часто навещал мою маму после смерти графини и проводил с ней много времени. Он выглядел очень счастливым, несмотря на то что страшно переживал смерть Марка и Чарли.

Марк был ничуть не удивлен, слыша это. Его дядя был сладострастным мужчиной и умел построить наиболее выгодным для себя образом отношения с возлюбленной, которая находилась постоянно в зависимом положении от него. Он оплачивал ее расходы, но не было никакого капитала на ее имя. Он имел ее в своем распоряжении как вещь. Разумеется, Марк не мог сказать всего этого Дукессе.

– Ты продолжаешь переживать за свою маму? Тебе обидно, что вы находились в таком положении?

– Да, но я еще и дочь своего отца. Разве ты не видишь, что у меня его глаза и волосы? Волосы моей матери были такими прекрасными, золотыми… – Она помолчала. – Я знаю, что ты думаешь. Человек, содержавший женщину в течение двадцати лет… это трудно представить. Моя мама, такая красивая, очаровательная, существовала только для него одного. Она никогда ни к чему не придиралась, ничего не требовала для себя. Она любила его, пойми!

– Да, я понял, – спокойно сказал он. – Прости меня, Дукесса.

– А вот и яблочные пирожки. – Баджи появился неожиданно, и Марк был уверен, что тот слышал конец их разговора. Впрочем, что в этом особенного?

– Спасибо, Баджи, они выглядят великолепно, – откликнулась Дукесса, нежно улыбаясь своему слуге. – Попробуй, Марк, ты будешь в полном восторге.

Марк тоже улыбнулся и подцепил вилкой один пирожок.

– Не сомневаюсь, после всего, что я уже попробовал…

Дукесса кивнула.

– Знаешь, действительно трудно поверить в то, что тебе безразличен графский титул и все те привилегии, которые ему сопутствуют.

Он пожал плечами.

– На самом деле я был совершенно искренен в своем повествовании. Мне нравилась армейская жизнь, и я не хотел ничего менять. Я считаю, что мое пребывание в армии не было бесполезным. В конце концов, я спас порядочно человеческих жизней.

– И сколько времени ты провел на полуострове?

– Пять лет. Я отправился туда еще в 1808-м, после гибели Марка и Чарли. Испанцы отказали нам в помощи, и мы двинулись в Португалию, в Фигейру-да-Фош. Моим командиром оказался сам Веллингтон. – Он помолчал, чувствуя, что слишком увлекся. – Прости, я не хотел надоедать тебе такими скучными неженскими историями.

– Пожалуйста, продолжай, – откликнулась она.

Он глянул на нее недоверчиво, потому что ни одна женщина до сих пор, включая и мать, не интересовалась его армейской жизнью. Слегка наклонившись вперед, он продолжил:

– Подчинив Испанию, Наполеон двинулся на Лиссабон.

Дукесса внезапно прервала его:

– Правда ли, что Наполеон говорил: «Я прогоню этих англичан с Пиренеев, и никто не сможет противостоять моей воле»? Кажется, так?

– Да, возможно, он и сказал что-то в этом духе, – отозвался Марк, слегка нахмурившись.

– Продолжай.

Он наморщил лоб, вспоминая.

– Мы шли по узкому переходу в Галисийских горах в середине зимы, пытаясь обойти французов. Запасов еды было мало, животные… – Он вдруг встряхнул головой, желая освободиться от тягостных воспоминаний, глядя на нее пустыми глазами. Проклятая память! Перед ним снова возникли лица людей, офицеров, которых он считал своими друзьями; слишком многие из них погибли тогда. – Нет, – резко сказал он. – Хватит на сегодня.

– А что ты думаешь о перемирии, которое заключил Наполеон после разгрома прусской армии под Лютценом и Баутценом?

Марк пожал плечами.

– Вряд ли это перемирие продлится долго, многие поговаривают, что оно закончится в конце лета.

– А правда, что Веллингтон советует своим генералам избегать прямых сражений с Наполеоном? И что он часто конфликтует с маршалами?

Он был искренне удивлен: немногие были в курсе таких подробностей.

– Откуда тебе это известно?

– Я читала, – вяло отозвалась она, и он понял, что задевает ее самолюбие, обращая внимание лишь на прекрасные глаза и не интересуясь образом ее мыслей.

– Ты близка к истине. Веллингтон говорил, что присутствие Наполеона на поле битвы стоит сорока тысяч мужчин, даже не просто мужчин, а солдат.

Она наклонилась к нему вперед, положив локти на стол. Свечей было зажжено немного, и от этого комната казалась очень уютной и спокойной. Яблочные пирожки оставались почти нетронутыми на блюде.

– Замечательно, я не слышала ничего подобного. А правда, что французов победила не русская зима, а сами русские?

– Это спорный вопрос. Те, кто видит в Наполеоне непревзойденного военного лидера, считают, что виновата проклятая русская зима. Я слышал также, что русские внимательно изучили опыт военных сражений наполеоновской армии и многое переняли, а потом использовали против нее же.

– Да, и не надо забывать, что в наполеоновской армии нарушилась система снабжения. Представляю, какое это огромное расстояние – от запада до Москвы! Сколько надо было еды, оружия, обмундирования! Тут воображение мне отказывает, невозможно даже представить.

– Да, – согласился Марк, – конечно. – Он не мог совладать с собой, пристально разглядывая ее. Возможно, ее покровитель служит в армии или во флоте? Откуда она может знать такие вещи? Он вдруг решил сделать резкий переход. – Как много времени потребуется тебе, чтобы подготовиться к отъезду?

– К отъезду?

– Ты должна вернуться вместе со мной в Чейз, это в порядке вещей. Что вызывает твое удивление?

– Это вовсе не обязательно, – заметила она, и он вдруг увидел, как ее рука сжалась в кулак. Он был вне себя от изумления. Дукесса с кулаками? И что он такого сказал? Отчего так исказились ее прекрасные черты? Он и вообразить не мог, что такие изящные маленькие ручки умеют сжиматься в кулачки.

– Все эти шесть месяцев ты должна была находиться в Чейзе. Я прошу прощения у тебя за то, что этого не случилось. Больше мне нечего добавить, разве то, что все эти последние месяцы я потратил на твои поиски. Теперь я намерен предложить тебе дом, компаньонку, которая будет развлекать и оберегать тебя, светский сезон в Лондоне и приданое. С такой изумительной внешностью и интересом к военным делам нетрудно будет найти себе мужа.

Она молча смотрела на него, положив разжатые руки на скатерть. Заметив чернила, въевшиеся в ее пальчики, он счел нужным добавить:

– Если, конечно, замужество интересует тебя. Хотя я и не представляю, что может быть более подходящим для леди?

– Нет, – спокойно проговорила она. – Я не хочу замуж. И мой дом теперь здесь. Благодарю тебя за проявленное великодушие и внимание, но прошло много времени, и я уже вполне могу вести самостоятельный образ жизни, многому научившись за эти месяцы. Мне не нужно ни светского сезона, ни приданого, ни мужа. Все это вещи, подходящие для леди, Марк.

– Тебе по силам справиться самой со всеми трудностями? Или ты встретила какого-нибудь богача после смерти матери? Возможно, это он рассказал тебе… – Марк пожал плечами. – Но, очевидно, его намерения чисты, совершенно чисты.

Она улыбнулась, но это была ледяная улыбка, полная затаенного гнева. Голос же ее звучал совершенно спокойно:

– Эта сторона моей жизни не должна интересовать вас, сэр. Мне интересен ход ваших рассуждений. Вас удивляет мое внимание к военной кампании, к провалу Наполеона в России, наконец, знание каких-то деталей – оказывается, моих собственных умственных способностей недостаточно, чтобы судить обо всем самостоятельно! Для этого нужен какой-нибудь армейский офицер, который бы опекал меня так же, как ваш дядя мою маму в «Бутоне Розы».

Он наклонился вперед и стукнул кулаком по столу.

– Проклятие, Дукесса! Я не хотел такого разговора. Но ты забыла, что я твой кузен? Более того, теперь я стал главой рода Уиндемов и отвечаю за тебя!

– Да, ты мой кузен, это так. Но я всего лишь жалкий бастард. Ты ничего не должен мне, Марк, и вовсе не обязан отвечать за меня. Мой отец – да! Но очевидно, как большинство людей, он считал себя бессмертным, поэтому и не счел нужным заранее обеспечить мне будущее. Как бы то ни было, но я довольна своим положением, поскольку имею самое главное – независимость, и мне бы очень не хотелось что-то сейчас менять в своей жизни.

– Но тебе всего восемнадцать лет, ты благородная леди и не можешь быть предоставлена самой себе.

– Мне уже почти девятнадцать, и, кажется, ты убедился, что я вполне в состоянии позаботиться о себе. К тому же я всего лишь бастард, а никакая не благородная мисс. Не стоит приукрашивать положение вещей.

Марк задыхался от гнева и чувства поражения. Совсем недавно он сравнивал себя со странствующим рыцарем, жаждущим оказать помощь даме, и что же? Оказывается, в его помощи и не нуждались!

Она вдруг рассмеялась.

– Я почти угадываю ход твоих мыслей – ты пришел оказать поддержку несчастному бастарду вашей семьи, а он, как ни странно, в ней не нуждается и прекрасно себя чувствует, да еще накормил превосходным ужином. Прости меня, Марк, но это действительно так.

– Нет, не так. Ты собираешь свои вещи и отправляешься со мной в Чейз. Я не могу бросить на произвол судьбы дочь дяди и намерен уехать вместе с тобой как можно скорее. Баджи успеет упаковать вещи сегодня, чтобы мы могли отправиться уже утром в путь?

Казалось, она не обратила ни малейшего внимания на его последние слова, глядя отрешенно куда-то в пространство, будто вспоминая что-то. Более того, она еще и напевала какую-то неизвестную песенку.

– Извини. – Она вдруг резко оборвала мелодию и встала. – Я покину тебя ненадолго, Марк.

Она вышла, оставив восьмого графа Чейза с надкусанным яблочным пирожком на тарелке и вытянувшимся от удивления лицом.

– Желаете бренди, милорд? – поинтересовался Баджи. – Может быть, портвейн или кларет?

– Портвейн, – отозвался Марк.

Он потягивал портвейн, ожидая ее возвращения. Прошло уже пятнадцать минут. Он решил справиться у Баджи, пришедшего, чтобы убрать тарелки со стола.

– Что она там делает?

– Не могу знать.

– Не можешь или не хочешь отвечать мне? Ладно, Баджи, поделись со мной, каким образом ей удается содержать и оплачивать этот коттедж? Должно быть, есть какой-то мужчина, не так ли? Он и оплачивает все счета.

– Вам лучше поговорить об этом с мисс Кокрейн, милорд.

– Я желаю уехать отсюда завтра утром. Ты успеешь собраться, Баджи?

Баджи выпрямился во весь свой рост, которому могли бы позавидовать многие.

– Вам лучше обсудить это с мисс Кокрейн. – Помолчав, он добавил мягко: – Вы начинаете злоупотреблять нашим гостеприимством, сэр.

Вздохнув, тот допил свой портвейн.

– Да, так и есть, ты прав. Как думаешь, Дукесса не забыла о том, что я жду ее здесь?

– Кажется, я слышу ее шаги, она возвращается. Ах, сэр, думаю, ей нелегко досталась весть о смерти отца. Она была уверена, что он забыл о ее существовании, а оказывается, его уже на свете нет. Потерять мать и отца за такой короткий срок! Думаете, ей так легко перенести все это?

– Разумеется, нет. Но она так спокойно держалась, совершенно не выказывая своих чувств. Ни одной слезинки.

– Неужели вы ожидали слез и рыданий от нее? Ведь она – Дукесса.

– Я не ожидал увидеть ее живущей так благополучно, – продолжал Марк, любуясь переливающимся темно-красным портвейном в хрустале. Черт возьми, он готов был задушить ее за этот холодный вид и надменность.

– Постарайтесь быть с ней более нежным, сэр, она так нуждается в участии, – предупредил его Баджи, подходя к двери и придерживая открытую створку, чтобы Дукесса могла войти.

– Простите меня за долгое отсутствие, – сказала она. – Желаете остаться здесь или перейдем в гостиную, сэр?

– Здесь я чувствую себя прекрасно. Что вы делали?

– Дала немного воли своим чувствам, ничего особенного, я даже не обдумывала ваше предложение.

Он чувствовал свое поражение и был готов взорваться.

– Завтра утром вы отправитесь вместе со мной в Чейз, я так решил!

– Нет, но я благодарю вас за внимание и чувство ответственности, за то, что вы считаете себя виноватым передо мной. Вы оправданы, Марк. Я освобождаю вас от чувства вины и нисколько не сержусь, поверьте. Благодаря вам я узнала, что отец не забыл обо мне. Это очень важно. Но теперь, извините, уже поздно. Всем пора отдыхать. Очень сожалею, но вы не сможете остаться в этом коттедже на ночь. Можно легко устроиться здесь поблизости, в Биддендене. Там есть дом под вывеской «Девушки из Биддендена»…

– Какого черта, что еще за девушки?

– Разве ты не проезжал по деревне? Элизабет и Мэри Чокхет… они жили в XII веке – сиамские близнецы. «Чекс инн» не слишком роскошна и будет, пожалуй, несколько тесновата, впрочем, новому графу Чейзу это, возможно, не покажется существенным недостатком. – Марку показалось, что в выражении ее лица был какой-то намек на улыбку. Но лишь намек, не более.

Подойдя ближе, он посмотрел на нее сверху вниз, сознавая, что его поведение выражало скорее агрессию, чем заботу.

– Я вернусь завтра утром. – Не проронив больше ни слова, он вышел.

Баджи уже поджидал его у входа, распахивая дверь, как швейцар.

– «Чекс инн» – это конюшня для вашей лошади, сэр.

– Уже кое-что, – ответил Марк, покачивая головой, – сиамские близнецы! Ха-ха… подумать только!

Подъехав на следующий день к коттеджу, Марк обнаружил Дукессу склонившейся в стареньком платье над цветочными кустами.

Спешившись и привязав Стенли, он подошел к ней.

– Не знал, что ты еще и садовник.

Дукесса внимательно посмотрела на него. Был солнечный день, и вокруг ее головы расходилось сияние, на лбу выступили капельки пота. Она выглядела чертовски привлекательно.

– Да, мне нравится это занятие. Жаль только, что у меня еще не очень хорошо получается. Почему бы не поработать немного в саду, если есть время.

– Ты считаешь, что время у тебя есть? А как насчет того, чтобы немедленно выехать в Чейз? Я хочу, чтобы ты дала мне честный ответ, Дукесса.

– Я еще не успела понять, нравится ли мне эта идея.

Он готов был оттрепать ее за уши, но вместо этого опустился рядом с ней на корточки.

– Но открой наконец тайну, как тебе удается содержать себя?

– Надеюсь, ты оставил мысль о покровителе?

– Нет, и я никогда так не думал. Ты бы не могла позволить такое. Но ради бога, согласись, твое положение со стороны выглядит весьма загадочно. Ты всего лишь капризная маленькая девочка…

– Послушай, Марк, последний раз ты видел меня пять лет назад. Неужели ты полагаешь, что за это время я ничуть не изменилась? Мало ли какие у меня могли открыться способности? Ты ведь ничего не знаешь обо мне.

– Но всем в доме так не хватает тебя! Близнецы скучают, и тетя Гвент тоже. Они очень ждут тебя.

Она улыбнулась, глядя на свои перчатки, испачканные землей.

– Ты стал очень красивым мужчиной, Марк, и очень умным. Более того, теперь ты владелец Чейза и несешь ответственность за продолжение рода Уиндемов. Скоро тебе надо будет подумать о женитьбе. И не думаю, что твоей избраннице я придусь по душе. Мое присутствие станет опять нежелательным, как много лет назад. Не хочется снова переживать унижения… Я – пятно вашей семьи, и тебе не стоит забывать об этом.

– Мой бог, но мне нет еще и двадцати пяти. Неужели я не могу пожить в свое удовольствие еще несколько лет?

– Извини. Я хорошо понимаю твою реакцию, потому что также не испытываю влечения к браку. Но постарайся понять, что не совсем нормальные обстоятельства моего появления на свет и воспитания способствовали развитию у меня несколько циничного взгляда на отношения между мужчиной и женщиной, если говорить более точно, между женатым мужчиной и незамужней женщиной.

– К нам это не имеет никакого отношения, черт побери! Послушай, Дукесса, ты не можешь оставаться здесь одна, вернее, даже не просто одна, а наедине с мужчиной, не важно, что это твой слуга. Ты не должна разрушать свою репутацию. У тебя душа благородной женщины, ты должна выйти замуж за джентльмена и стать матерью его детей. Я от всего сердца желаю тебе такого будущего. И точно так – я уверен – думал твой отец. Умоляю тебя, поедем со мной.

Дукесса молча продолжала возиться в земле.

Он быстро поднялся, разъяренный ее упрямством. Какое-то мгновение он молчал, прежде чем взорваться и закричать, насколько позволяла сила легких:

– Каким образом тебе удается оплачивать этот коттедж, отвечай!

Она очень медленно поднялась, стягивая с рук перчатки.

– Не желаешь ли позавтракать, Марк? Время сейчас как раз для этого.

– Я задушу тебя! – сказал он, глядя на ее горло, скрытое высоким воротом серого платья. – Да, так и будет, но я сделаю это после завтрака. Что приготовил на этот раз Баджи?

Глава 4

Чейз-парк
Август 1813 года

«И это через два месяца!» – думал он, пробегая глазами листок. Это было письмо, нет, скорее записка в два крохотных абзаца, которыми его удостоила наконец проклятая девчонка; не зря он еще в детстве окрестил ее Дукессой. До чего осмелела!

Он перечитал послание еще раз, чувствуя, как от негодования пылает его лицо:

«Милорд!

Было весьма великодушно с вашей стороны прислать нам виноград. Баджи уже успел неплохо использовать его для приготовления соусов и разных блюд.

Передайте мое почтение тете Гвент и Близнецам».

Еще была подпись: «Ваша слуга». И ничего больше – ни мисс Кокрейн, ни Дукесса, ни даже по полной формуле «ваша покорная слуга». Написала так, как взбрело в голову. Разве она могла быть покорной?! Он поднял голову и увидел стоявшего в дверях Криттакера, спокойно дожидавшегося, когда Марк обратит на него внимание.

– Ты знаешь имя мисс Кокрейн?

– Дукесса, милорд.

– Да нет же, ее настоящее имя или, вернее, имя ее матери? Дукессой назвал ее я сам, когда ей было девять лет…

Криттакер находился в явном замешательстве.

– Нет, я не знаю. Может быть, спросить вашу тетю Гвент?

– Не стоит беспокоить ее. Это не так уж и важно. Я только что получил письмо от нее с благодарностью за виноград. Баджи что-то там приготовил из него. Насколько я понял, у нее все по-прежнему. Мне хочется ответить на послание, но еще мне хочется убить ее или покалечить.

– Нам нужно просмотреть еще и другую корреспонденцию, милорд.

Марк усмехнулся, оставив без ответа замечание Криттакера. Через минуту он уже писал своей строптивой кузине:

«Дорогая Дукесса!

Я очень рад, что виноград пришелся кстати.

Почему ты ничего не написала о себе? У нас все хорошо. Правда, Антония постоянно заказывает новые романы у Хукэма в Лондоне, уверяя всех нас, что это проповеди, которых все больше и больше требует ее чувствительная душа. Фанни расцветает все пышнее, хотя тетя Гвент и предупреждает, что ни один джентльмен не заинтересуется девушкой, у которой два подбородка.

Я больше не надеюсь на сообщение об источнике твоих доходов.

Аренда дома, услуги Баджи – все это требует порядочных средств.

Твой слуга Марк Уиндем».

Отложив листок в сторону, Марк подумал, что написал слишком много. Она не заслуживала ни единого слова. Тем не менее он тщательно сложил письмо, запечатал в конверт и надписал адрес. Затем обмакнул свою печать в воск и поставил оттиск на конверт. После чего снова взял в руки «Лондонскую газету» и начал просматривать информацию, касавшуюся

военных событий. Шварценберг перешел Богемские горы и приготовился штурмовать Дрезден. Но французы уже успели окружить город укреплениями и легко отбивали плохо скоординированные атаки союзников. Наполеон не замедлил прибыть туда с дополнительными группами войск, и Шварценбергу с огромными потерями пришлось отступить к Богемии. Число его потерь составило тридцать восемь тысяч человек! Марк был в ужасе – как мог Шварценберг допустить такое. Сердцем он был со своими друзьями и хотел вернуться в армию, но не мог себе этого позволить, не имел права. Теперь он стал графом Чейзом и обязан жениться, чтобы оставить после себя наследника, который продолжил бы четырехсотлетнюю линию рода Уиндемов. Проклятие.

Пора было принимать на себя все хлопоты, связанные с поместьем и другой собственностью Уиндемов.

Коттедж «Милый Крошка»
Ноябрь 1813 года

Дукесса сидела, уставившись на письмо. Она ничего не могла понять. Прочитав его несколько раз, она наконец крикнула Баджи. Дукесса всегда контролировала свои эмоции и обычно не позволяла себе даже повышать голос, но это невероятное послание взбудоражило ее.

– Баджи, сюда, скорее!

Она слышала его шаркающие шаги через кухню, холл и гостиную. Наконец он появился в дверях, запыхавшийся и явно встревоженный.

– Извини, Баджи, но ты не можешь прочитать это вместе со мной? Я не могу поверить, это какой-то абсурд, чья-то шутка, это… – Она запнулась и протянула ему письмо.

Дойдя до конца, он присвистнул и решил перечитать снова.

– Да, это настоящее потрясение. У меня такое чувство, будто в последнее время все люди только и делали, что сходили с ума от забот о тебе. Сначала граф, с его двух-или трехмесячными поисками, теперь еще один джентльмен, который уверяет, что ищет тебя с марта. Что ж, он нашел тебя.

– Марк наверняка еще ничего не знает об этом…

– По крайней мере мистер Уикс в соответствии с правилами адвокатской этики не стал бы им первым сообщать.

– Он хочет нанести визит в следующий понедельник.

– Не сомневаюсь, что так и будет, не волнуйся. – Баджи погладил ее руки и встал, подергивая носом. – О, мой свиной студень, не очень-то он деликатно пахнет. – Он повернулся в сторону кухни. – Возможно, черный перец был уже не того хорошего качества, как убеждал меня хитрая акула – торговец. Придется добавить побольше базилика и розмарина, чтобы придать блюду более тонкий аромат. Как приятно сознавать, Дукесса, что отец позаботился о твоем будущем. Он хорошо поступил. Теперь я всегда буду вспоминать его с благодарностью.

– Да, теперь я очень обеспеченный человек.

– Ладно, подождем появления мистера Уикса, – сказал Баджи, торопясь на кухню.

Мистер Уикс оказался пожилым худощавым человеком. Глаза его, окруженные сеткой красных и синих прожилок, сияли добротой и вниманием, доброта сквозила и в улыбке. Дукесса почти сразу успокоилась и прониклась доверием к нему.

– Как поживаете? – осведомился он, отвешивая галантный поклон. – Примите мои искренние поздравления! Счастлив буду удовлетворить ваше любопытство, юная леди. Я явился сюда, чтобы уведомить вас о чудесных переменах в вашей жизни… Но можно ли попросить у вас сначала чашечку чая?

Распорядившись насчет чая, Дукесса расположилась напротив мистера Уикса в кресле, всем своим видом выказывая нетерпение.

– Отныне ваше имя, как я уже и сообщал в письме, – мисс Уиндем. Ваш отец женился на вашей маме в прошлом ноябре, то есть за три месяца до своей смерти. После законного оформления брака он распорядился, чтобы я оформил все бумаги, необходимые для признания вас его дочерью. Мне удалось завершить все дела лишь к маю, поэтому я не мог вступить с вами в переписку раньше. Любой из Уиндемов мог бы опротестовать волеизъявление вашего отца, если бы бумаги не были полностью готовы. Мне приходилось держать это дело в некоторой тайне. Но теперь все опасения позади, и вы – законная мисс Уиндем. Я был бы рад сообщить вам об этом еще в мае, но вы бесследно исчезли. Наконец на Бау-стрит я нанял посыльного, и он разыскал вас здесь, в Смардене.

На ее бледном лице отразилась гамма противоречивых чувств: от недоверия до радостного изумления.

– Но мама никогда ничего не говорила мне об этом, сэр, и отец тоже. Я подумала, что ваше обращение ко мне как к мисс Уиндем продиктовано добротой или заблуждением.

– Напрасно, моя дорогая. Теперь вы – леди, со всеми вытекающими отсюда правами. Вы такая же дочь графа, как и Фанни, и Антония. Ваш папа держал это в секрете, потому что еще не были оформлены до конца бумаги. Я весьма сожалею – так прискорбно, что ваши родители умерли внезапно, оставив вас одинокой, незащищенной, а главное – в полном неведении относительно будущего. Они очень любили вас.

– Да, – сказала она медленно, глядя куда-то поверх его плеча. – Они все исправили… – Она думала об отце. Так, значит, он действительно любил ее? Да, теперь она с уверенностью могла утверждать это. И вдруг вся боль, душевные муки, терзания последних месяцев вылились в душераздирающий крик. Дукесса потеряла самообладание. Страдание, ощущение заброшенности, тоски, одиночества, разрывающие ее душу много месяцев, теперь выливались слезами. Крик перешел в рыдания.

Адвокат, сраженный таким шквалом эмоций, сидел совершенно потерянный.

Наконец Дукесса притихла. Баджи суетился вокруг нее, предлагая воду. Лицо ее распухло от слез, взгляд отражал внутреннюю опустошенность. Все в ее облике взывало к состраданию: она выглядела сейчас маленькой, хрупкой девочкой, совершенно беззащитной.

Мистер Уикс отметил про себя, что никогда еще не видел такой хорошенькой девушки.

– У вас глаза и волосы отца. Я имел честь видеть вашу матушку лишь один раз, но у нее очень запоминающаяся внешность. Ее красота и очарование настолько поразили меня, что я стоял и завороженно смотрел на нее. Не знаю, сколько минут длилось неловкое молчание. Но его прервал ваш папа, вежливо сказав: «Не волнуйтесь, мистер Уикс, ваша реакция меня ничуть не удивляет. Все мужчины с трудом отрывают от нее взгляд…» Вы равны ей по блеску и красоте и теперь наконец-то займете подобающее место в обществе, леди Дукесса. Как странно звучит это имя, но ваш отец просил, чтобы я называл вас именно так, считая, что оно очень подходит вам. Еще он говорил, что вы из тех женщин, которые благодаря своему характеру и красоте способны на многое, только необходимо предоставить им шанс. «И я намерен дать ей этот шанс, Уикс» – это были его слова. Итак, моя леди, вы больше не бастард и не обязаны прозябать здесь в неизвестности. Вы теперь можете делать все, что пожелаете. – Откинувшись назад, он смотрел на нее, весь сияя.

– Но я вполне удовлетворена своим положением. Разумеется, очень приятно, что мои родители поженились, но я не вижу, для чего мне нужно менять свою жизнь и как. Должна сообщить вам, что новый граф Чейз – Марк Уиндем уже приезжал ко мне и предлагал переехать в Чейз-парк. Более того, у него были намерения отправить меня в Лондон на светский сезон и выделить приданое. Я отказалась. Я очень ценю все ваши предосторожности, вы дей-

ствовали совершенно правильно, не желая предавать это дело огласке. Но Марк никогда не стал бы оспаривать волю моего отца и своего дяди.

– Возможно, – ответил мистер Уикс, делая глоток чая. – Но я не имел права подвергать риску вашу судьбу, хотя и слышал столько превосходных отзывов о Марке: верный друг, бравый солдат, интеллигентный, сдержанный человек. Но теперь у него новая жизнь, другая ответственность и планы. У джентльменов его класса есть свои нормы и правила поведения, и обычная реакция на… Впрочем, оставим это. Надеюсь, что Марк Уиндем действительно человек, достойный восхищения и доверия. В любом случае, сейчас он уже ничего не сможет изменить – ваше положение абсолютно надежно. – Кашлянув, он поднялся и широко улыбнулся ей: – Еще раз примите мои поздравления, мисс. Теперь вы – наследница.

Чейз-парк
Декабрь 1813 года

Спешившись перед домом, Марк передал уздечку Стенли своему любимому конюху Лэмбкину.

– Почисть его хорошенько, Лэмбкин. Стенли досталось сегодня. Видишь, как тяжело он дышит?

– Слушаюсь, милорд, – отозвался Лэмбкин, обожавший не только Стенли, но и землю, по которой тот ступал своими копытами. Он похлопал жеребца по носу, ласково приговаривая: – Ах, прекрасная бестия, его сиятельство задал тебе сегодня знатную трепку, да?..

Марк улыбнулся и пошел к дому. Был теплый день, солнышко ярко светило, задевая и окна его спальни, хотя стояла середина декабря. Но его ждал отнюдь не отдых, а масса разных бумаг и дел. Для англичанина, йоркширца, его положения и ранга не существовало такого понятия, как хорошая погода. Он поделился этими грустными соображениями со своим камердинером Спирсом, вышедшим ему навстречу из дома…

– Вам надо поскорее освободиться от костюма для верховой езды, сэр. Надеюсь, вы позволите мне позаботиться о нем? Эти коричневые бриджи и прекрасный голубой жакет неплохо послужили вам сегодня утром. Полагаю, вы смотрелись достаточно стильно?

Пожав плечами, Марк осмотрел свой наряд. На нем был военный мундир, оставшийся от зимнего похода в Португалию. Рукава на локтях так блестели от изношенности, что, казалось, готовы были лопнуть в любой момент.

Спирс улыбнулся:

– Я уже приказал приготовить для вас ванну, сэр. Желаете, чтобы я побрил вас?

– Ты спрашиваешь меня об этом каждое утро, и ответ всякий раз остается прежним – нет! Я отказываюсь становиться законченным лентяем и предпочитаю пользоваться лезвием самостоятельно.

– Очень хорошо, сэр. Его уже наточили, как обычно. У вас те же привычки, что и у дяди. Он тоже не разрешал мне брить его, но когда его лицо начинала чересчур закрывать мужественная растительность, он был рад найти у меня наготове свеженаточенное лезвие.

– Спасибо, что рассказал мне об этом. Пожалуй, я позволю этой мужественной растительности подрасти еще немного.

Марк улыбнулся и, напевая какую-то мелодию, подошел к парадному подъезду. Дворецкий Сэмпсон, распахнув перед ним массивные двери, склонился в глубоком поклоне. Марку уже порядком наскучили бесконечные знаки внимания, которыми его без устали осыпала домашняя челядь. Поблагодарив Сэмпсона, он спросил с ноткой утверждения в голосе:

– Полагаю, Криттакер уже ждет меня в кабинете, с неизменно вымученным взглядом и кипой бумаг?

– Да, милорд, так оно и есть. И взгляд у него совершенно такой, как вы изволили заметить. Двадцать минут назад он приказал доставить ему почту вашего сиятельства, что я и исполнил. Через несколько минут, заглянув снова в кабинет, я обнаружил мистера Криттакера в крайне возбужденном состоянии… Одним словом, сэр, в сегодняшней почте наверняка есть что-то интересное…

Заинтригованный, Марк не стал даже тратить время на переодевание, а направился сразу в кабинет. Распахнув дверь, он без лишних предисловий выпалил:

– Ну же, Криттакер, что сегодня так удивило тебя в полученной корреспонденции? Не затягивай, я не люблю ждать.

Тот молча протянул Марку листок бумаги.

Прочитав два раза, Марк выдохнул:

– Мой бог! Я даже и вообразить такого не мог.

Криттакер, боясь шевельнуться, замер, казалось, на целое столетие. Сейчас его можно было сравнить со сломанными старинными часами на каминной полке, которые не шли уже семьдесят пять лет. Он находился в состоянии глубокого шока.

– Так, значит, Дукесса все же пожелала явиться сюда, – сказал Марк, глядя в окно на замерзшую, присыпанную снегом лужайку перед домом. – Правда, она ничего не пишет о том, что останется здесь навсегда. Но если она не совсем дура, то, конечно, останется. Наверняка так и будет. Я мужчина и глава семьи, а она – женщина и обязана подчиниться моему желанию.

– Мистер Спирс полагает, что случилось нечто чрезвычайное, раз она решила приехать сюда.

Марк раздраженно про себя отметил, что они сговорились за его спиной, успев все обсудить. Оказывается, Спирс уже в курсе, дворецкий Сэмпсон, надо полагать, тоже.

– Дукесса – гордячка, но она не глупа.

– Мистер Спирс считает, что как раз гордость и является причиной всех глупых поступков, сэр.

Марк, спрятав письмо в карман, направился к себе, чтобы переодеться.

«Отлично, Дукесса, – говорил он самому себе, – наконец ты соизволила явиться ко мне. Что ж, еще не поздно».

Но у себя в спальне, еще раз перечитав письмо, он наткнулся на странную фразу: «Мистер Уикс собирается нанести визит вам во вторник, после моего приезда. Не сомневаюсь, что вы уже извещены об этом».

Какого черта! Что здесь понадобилось дядиному адвокату? Возможно, за всем этим скрывается что-то еще, о чем он не знает. Но что?

Она прибыла в Чейз-парк за неделю до Рождества, хотя в письме датой приезда было названо 1 января 1814 года. Баджи шел за ней с небольшим чемоданом в руках. Встречающий их у порога дома Сэмпсон, не скрывая радости, рассыпался в комплиментах.

– Мисс Дукесса! Какое счастье, что за чудное событие! Пожалуйте, пожалуйте. Кто вас сопровождает? Представьте его, пожалуйста.

Дукессе, слишком утомленной дорогой, было не до приветствий. Поэтому с легкой улыбкой она представила своего камердинера:

– Это Баджи, мой слуга.

– Ах, прекрасно. Его сиятельство уже ожидает вас в библиотеке. Какая радость для всех нас. Идемте, я провожу вас, леди Дукесса. Ваш э… слуга…

– Мое имя – Эразм Баджи.

– Ах, весьма приятно, мистер Баджи. Я представлю вас мистеру Спирсу, камердинеру его сиятельства. Возможно, мы чуть позже соберемся втроем, чтобы обсудить некоторые вопросы.

Баджи посмотрел на Дукессу, но та одарила его одной из своих холодных отстраненных улыбок.

– Да, побудь лучше пока со Спирсом, Баджи. Ты можешь помешать его сиятельству добраться до моего горла. Он столько раз собирался задушить меня.

Она спокойно вошла в библиотеку, эту огромную комнату, так когда-то пугавшую ее. Марк встал из-за стола, но навстречу ей не пошел. Его голос растворился в торжественной тишине:

– Ты приехала…

Она кивнула.

– Да. Разве я не писала вам о своем приезде?

– Но речь шла о 1 января… Впрочем, это не имеет значения. Теперь ты снова здесь, не важно, на законных основаниях или нет. Почему ты так спокойна, Дукесса? Я так долго ждал тебя… Неужели у тебя нет никаких чувств? То, что ты находишься здесь, так прекрасно!

Она молчала, не собираясь открывать истинную причину своего появления. Пусть это сделает адвокат.

Марк усмехнулся, поглядывая на стопку бумаг по правую руку от себя, затем вышел из-за массивного стола.

– Позволь поздравить тебя с браком, который заключили твои родители.

– Благодарю. Я только хотела бы знать, каким образом стало известно об этом прежде, чем…

– Я очень рад, что ты здесь, – перебил ее Марк, – в доме, к которому принадлежишь, и как раз перед самым Рождеством. Сегодня мы вместе с Близнецами и Спирсом собирались отправиться в лес, чтобы срезать рождественский шест, ты явилась очень кстати… Хочешь пойти с нами? Мы сожжем его в рождественскую ночь в камине гостиной, и это станет знаком твоего воссоединения с семьей. Ты ведь понимаешь смысл этого обычая?[2]

Впервые ему удалось увидеть искру оживления в ее глазах, но она лишь промелькнула, уступив место обычной невозмутимости.

Дукесса ответила спокойно и холодно, как всегда:

– Благодарю тебя, Марк, ты очень добр. Извини меня за вторжение, а также если известие о моих новых правах несколько выбило тебя из колеи.

– Что ты говоришь? Какая-то полная бессмыслица. Я рад, что Чейз для тебя станет таким же домом, как и для меня. Если бы не твое упрямство, ты бы уже полгода жила здесь, вместо того чтобы… – Замолчав, он покачал головой, потом, как бы не находя сил справиться с собой, добавил: – Как все же тебе удавалось зарабатывать деньги, чтобы содержать этот чертовски хорошенький коттедж? И иметь такую роскошную сервировку, хрусталь…

Дукесса в очередной раз проигнорировала эти вопросы.

– Когда ты собирался отправиться за рождественским шестом?

– Примерно через час, – сказал он, глядя на ее тонкую белую шею в вырезе бледно-кремового платья из муслина. Она будто дразнила его. – Тебе надо одеться потеплее и обязательно обуть ботинки на толстой подошве. У тебя они есть?

– Нет, только смена белья и пара комнатных тапочек. – Она усмехнулась. – Марк, не строй из себя моего опекуна, умоляю, ты всего на пять лет старше. Не слишком ли мы оба молоды, чтобы надоедать друг другу поучениями?

– Какого черта, не забывай, что тебе всего лишь восемнадцать, ты несовершеннолетняя. Советую тебе, Дукесса, не будить впредь моего гнева.

– Твой гнев меня совершенно не интересует, Марк. Я пришла сюда лишь потому, что получила право находиться здесь. Кроме того, сейчас мне уже девятнадцать.

– Следует понимать это так, что ты удостоишь нас своим присутствием здесь навсегда?

---

[2] Религиозный догмат о триединстве. Столбик или шест является символом множественности, заключенной в едином. – *Примеч. пер.*

Едва заметно улыбнувшись, она вдруг развернулась и вышла из библиотеки, не закрыв за собой дверь. Навстречу ей неслась миссис Эмери, восклицавшая с излишней восторженностью:

– Добро пожаловать, Дукесса! О, извините, мисс, теперь уже леди Дукесса. Позвольте мне проводить вас в вашу комнату.

Глава 5

«Надо все же произнести какой-то спич в честь Рождества, которое все мы проводим в лоне семьи, так счастливо и спокойно», – думал Марк, потягивая глинтвейн и наслаждаясь благодатным теплом камина, в котором уютно потрескивал рождественской шест. Свой прошлый сочельник он провел возле походного костра, на галийских холмах, коченея от пронизывающего ледяного ветра. Что мог он ждать от предстоящего года – схватки в бою, возможно, смерти?

Внезапно он вспомнил, что не купил еще подарок Дукессе, не важно, что своим поведением она не заслуживала его. Что ж, время еще есть, впереди пять рождественских дней. Завтра прибудет из Лондона адвокат дяди. Он нахмурился, стараясь представить, какие еще неожиданности могут его подстерегать. Признание Дукессы своей законной дочерью – прекрасный поступок, Марк ничего не имел против. Однако его смущало поведение тети Гвент, которая теперь смотрела на нее как-то иначе. Он ничего не мог понять. Столько придирок к благородной леди; в то время когда она считалась бастардом, тетя Гвент поощряла буквально каждый поступок девушки. Очень странно.

Его мысли прервала тетя Гвент:

– Дукесса, Марк говорил, что ты жила в своем коттедже с мужчиной. Как можно было допустить подобное! Твоя репутация теперь под угрозой! Не слишком счастливые предпосылки для новой жизни.

Дукесса мило улыбалась, ее тонкие изящные руки спокойно лежали на коленях.

– Мне очень трудно представить двусмысленность своего положения, но я, кажется, понимаю, что вас беспокоит.

– Как вам «трудно представить»? Да ведь вы постоянно жили рядом с мужчиной!

– Который был моим дворецким и поваром! Его зовут Баджи, и это действительно особенное, совершенно замечательное существо, он еще и мой камердинер.

– Мне кажется, такое положение вещей непозволительно для леди, – сказала Гвент так, что Марк ощутил необходимость вмешаться. Ему уже успел надоесть ее зудящий поучительный тон.

– Теперь это не имеет никакого значения, тетя Гвент. Дукесса находится с нами, зачем вспоминать о какой-то ерунде?

– Но разве этот мужчина не жил рядом с ней?

– Да, – сказала Дукесса, потягивая глинтвейн и стараясь оставаться спокойной. – Возможно, вашему повару следует познакомиться с Баджи. Глинтвейн в исполнении Баджи имеет совершенно необычный тонкий вкус. Он знает какой-то особенный состав ингредиентов, который отказывался сообщить даже моей матери. Она столько раз говорила, что мы могли бы разбогатеть, продав этот рецепт.

– Да, я уже пробовал образцы кулинарного искусства Баджи и могу подтвердить, что они великолепны, – сказал Марк.

– Дорогой Марк! Этот человек – давний слуга семьи. Но не слишком ли он хорошо говорит по-английски? Человек, умеющий изъясняться как джентльмен, не может быть удовлетворен столь скромной ролью. Нельзя допустить, чтобы он и впредь оставался рядом с Дукессой. Репутация нашей семьи под угрозой. Она и без того пошатнулась в последнее время, а теперь и вовсе грозит превратиться в руины.

Последние слова тети окончательно лишили Марка самообладания.

– О чем вы говорите? Что все это значит? Может быть, вы хотите сказать, что семья под угрозой оттого, что ее главой стал наследник по второй линии?

– Не кипятись, мой мальчик. Это не имеет ни малейшего отношения к тебе и связано лишь с признанием Дукессы законным членом семьи. Теперь еще этот слуга – мужчина, прислуживавший одиноко живущей девушке. Результат легко предугадать.

– Поздравляю вас с этими выводами, тетя Гвент, но не забывайте, что отец Дукессы, мой дядя, граф Чейз знал и одобрял службу этого слуги, возможно, он сам…

Дукесса прервала его, произнеся спокойным, безмятежным тоном:

– Боюсь, что вы правы, мэм. Репутация семьи действительно несколько пострадала в ходе последних событий, но отменить что-либо уже невозможно. Боюсь даже, что в скором времени репутация семьи может подвергнуться еще большим испытаниям, и меня это беспокоит. Однако неужели вы всерьез полагаете, что Баджи, с его совершенным знанием языка, может заключать в себе какую-то угрозу для семьи?

– Разумеется, она так не думает, – ответил Марк, делая одновременно тете Гвент знак помолчать. – Хотя бы потому, что наш Спирс может составить неплохую конкуренцию Баджи и в красноречии, и в умелом исполнении обязанностей камердинера.

– Но Баджи ни в коем случае не может оставаться ее камердинером, Марк, – не сдержалась тетя Гвент.

– Ее камердинер? – спросила Антония, поднимая голову от нового романа – сентиментальной истории об экзальтированной героине, постоянно проливающей слезы, и ревнивом герое, рассекающем каждого встречного пополам своим магическим мечом. – Он твой камердинер, Дукесса? Как интересно! Так это он делает тебе прическу, готовит ванну? Может быть, ты познакомишь меня с ним завтра утром?

– Если тебе так хочется, Антония.

– Баджи останется здесь, – твердо заявил Марк. – Но круг его обязанностей я определю впоследствии.

– Я полагаю, – уверенно начала Дукесса, – что определять обязанности Баджи – это мое право.

– Полегче, Дукесса, – откликнулся Марк. – Ты теперь живешь в Чейзе, но не ты всем здесь распоряжаешься. Чтобы жизнь в доме текла размеренно и спокойно, на здешних слуг возложено множество самых разных обязанностей, у каждого – своя. Ты привыкла к своему «Милому Крошке» и еще незнакома с распорядком большого дома. Но я обещаю непременно обсудить с тобой положение Баджи. Я очень рад, что ты решила наконец перебраться в Чейз. Может быть, ты расскажешь мне, что заставило тебя изменить свое решение?

Дукесса явно решила не затруднять себя ответом. Выражение ее лица никак не изменилось. «Как она грациозна и прекрасна», – думал Марк, наблюдая за ней. Ее изысканная манера держаться казалась все более непостижимой. Раньше ее холодные сдержанные манеры выглядели всего лишь занятными, если не сказать смешными, ведь тогда она казалась просто выскочкой. Теперь же этот аристократизм был к месту, она наконец заняла подобающее положение. Марк вспомнил, какой он застал ее в саду у коттеджа – раскрасневшейся, с завитками волос, прилипшими к влажному от пота лбу. Невероятно, что она могла быть такой. Сейчас Дукесса была похожа на мраморное изваяние, и казалось неправдоподобным, что она может ощущать вкус вина или переживать за Баджи.

Фанни только было остановила вожделенный взгляд на подносе с лимонным кексом, как, заметив нахмурившееся лицо тети Гвент, поспешно опустила глаза.

– Может быть, попробуешь яблоки, они такие чудесные, я уже расправилась с одним, – предложила тут же Дукесса.

Безразлично пожав плечами, Фанни поймала яблоко, брошенное Марком. Марк попытался улыбнуться Дукессе, но та даже не смотрела на него.

– По-моему, уже слишком поздно, – заметила тетя Гвент. – Девочкам пора отправляться в постель.

Антония закрыла было книгу, чтобы встать и уйти, но раздумала и решила вдруг обратиться к Дукессе.

– Оказывается, ты наша сводная сестра, Марк сказал нам об этом. Вовсе ты никакая не кузина из Голландии.

– Да, ты права. После того как ваша дорогая мама умерла, папа женился на моей маме и признал меня своей законной дочерью.

– Подумать только, ты была бастардом, – простодушно отметила Фанни; ни малейшей искры коварства не показалось при этом ни на ее лице, ни в голосе. – Как это странно! Я помню, как мы с Антонией спорили, откуда ты. Из Голландии или из Италии? Нам было очень трудно определить это, поскольку ты никогда не говорила ни на одном из этих двух языков.

– Да, я была бастардом, до прошлого мая, если быть точной.

– Дорогая, нет никакой необходимости так громко заявлять об этом, люди могут подумать, что ты совсем не стыдишься своего неблагополучного рождения, – одернула ее Гвент.

– Я не вижу ничего постыдного в своем рождении, мэм.

– И все же… – хотела возразить ей Гвент, но была прервана Антонией:

– Теперь ты сможешь найти себе мужа, настоящего джентльмена, а раньше ты не могла претендовать на это, так как не считалась леди.

– Подумать только, – мечтательно произнесла Фанни, вгрызаясь в сердцевину яблока. – Ты была дитя любви, как это романтично!

– Все это вздор, – сказала Антония. – Главное, что теперь ты можешь находиться здесь по собственному желанию, а не из-за прихоти Марка. И он не может приказать тебе покинуть этот дом.

– Кажется, никто здесь не собирается злоупотреблять своими правами, – перебила племянницу Гвент. – Хотя я и могла бы запретить тебе постоянно пережевывать это бессмысленное чтиво.

– И все же, тетя, Марк с каждым днем становится все более строгим, изобретает новые правила. Возможно, и сегодня, когда мы с Фанни отправимся в постель, вы, тетя Гвент, вместе с ним выработаете еще одно. Но мы с Фанни продолжаем дружить с вами, тетя, потому что понимаем, что у вас нет других обязанностей, кроме нашего воспитания, не то что у графа. – Она вдруг перевела взгляд на Дукессу. – А ты еще не собираешься в Лондон?

– Да, это вполне возможно. Почему бы мне не отправиться туда сразу после рождественских праздников?

– И Марк даст тебе денег? – поинтересовалась Фанни, поглядывая на лимонный кекс и покусывая яблоко. – Там ведь все так дорого!

– Увидим, – раздраженно отозвался Марк. – А теперь девочки отправляются в постель. Не волнуйтесь, мы с тетей Гвент не станем изобретать новых деспотических правил для вас. Тетя Гвент тоже может идти отдыхать, если пожелает. А Дукессу я бы попросил ненадолго задержаться, если, конечно, она не против.

Дукесса, застыв, стояла, медленно поглаживая рукой мягкую, покрытую парчой поверхность кресла.

– Я слушаю, Марк. О чем ты хочешь поговорить со мной?

– Почему ты сказала, что решила отправиться в Лондон?

– Потому что я, возможно, сделаю это. После рождественских праздников.

– Тебе понадобятся деньги?

– Нет, можешь не беспокоиться об этом.

– Следовательно, ты не испытываешь финансовых затруднений? Я уж было решил, что именно они и привели тебя сюда. Надеешься, что сможешь продержаться на свои средства и в Лондоне? Но тебе наверняка понадобится там какая-то поддержка.

– Со мной будет Баджи.

– Ты не должна ехать, я запрещаю. Тебе придется дождаться, когда я сам поеду туда, возможно, это произойдет в марте. Тетя Гвент тоже поедет с нами в роли твоей компаньонки. Ты станешь королевой сезона. И если ты найдешь джентльмена, которого одобрю и я, то получишь приданое и сможешь выйти замуж.

– Как все это глупо, Марк. Умоляю, умерь свою страсть распоряжаться и приказывать. Это так не идет тебе. Не строй из себя тирана.

– То, что говоришь ты, это еще большая глупость. Никакой я не тиран. Ты просто наслушалась сегодня Близнецов. Дукесса, ты даже не представляешь, сколько всяких прощелыг в Лондоне, способных на разные вольности в отношении леди. Они могут сделать это так неожиданно, что ты едва успеешь понять, что произошло. Я не хочу, чтобы это случилось. Не забывай, что теперь ты носишь фамилию Уиндемов. Ты поедешь в Лондон со мной, и я сумею осадить всех этих негодяев.

Она ответила ему с неожиданной нежностью в голосе:

– Послушай, Марк, если ты не остановишься, то должен будешь всех знакомых женщин перевезти под конвоем на стажировку к бристольским целителям. Говорят, это очень строгая секта, они там приняли обет никогда не смотреть на собственное тело без одежды. Не представляю, как они принимают ванну? Но благодаря такому целомудрию они, говорят, приобретают особую ясность и мысли, и духа, становятся очень активными и всегда достигают своей цели. Возможно, все это и неплохо, Марк, но не имеет никакого отношения ко мне, я не нуждаюсь во всех этих…

– Не стоит так преувеличивать. Я лишь хотел предложить тебе свое опекунство. Не волнуйся, оно продлится не слишком долго, скоро ты сможешь стать совсем самостоятельной.

– Не думаю, что твое опекунство мне необходимо.

– Черт возьми, какие у тебя могут быть аргументы против этого? Каким образом тебе удавалось содержать себя? Тут замешан мужчина, не так ли? Теперь он ждет тебя в Лондоне? Зачем ты тогда явилась сюда? Чтобы тут же исчезнуть? Думаешь, отец одобрил бы твое поведение?

– Как много вопросов, Марк. Можно, я начну с первого?! Очевидно, ты веришь, что леди – существа, ни в чем не разбирающиеся и ни на что не способные, и никак не можешь допустить, что одна из них нашла самостоятельный путь.

– Я никогда не допущу этого. Ты – леди и станешь женой джентльмена. Это не означает, что ты ни в чем не разбираешься, вовсе нет; просто леди может себе позволить не заниматься ничем, кроме… – Он вдруг запнулся, чувствуя, что под ногами его разверзлась яма, которую он сам же себе и выкопал.

– Кроме того, чтобы быть игрушкой в руках джентльменов… – вкрадчиво подытожила она за него. – Так?

– Ну, не совсем. Она должна заботиться о детях, о том, чтобы в доме все шло по расписанию и так далее. Можешь еще ухаживать за клумбами в саду, если пожелаешь.

– Отлично. И для всего этого не надо никакого умения, опыта?

– Нужно, но несколько другого рода, это не те опыт и умение, при помощи которых зарабатывают на жизнь. Тебе кажется… – Он вдруг снова запнулся, его тон был слишком высокомерным и снисходительным. Он сам чувствовал, что строит из себя какого-то туза, но не делать же обратный ход, слова уже сказаны, и их не вернешь. О, если бы она помогла ему еще раз, возмутилась, повысила голос – тогда бы они снова были на равных, она бы утратила свое превосходство. При этой мысли его глаза сверкнули. Но нет, он не мог позволить себе сорваться, накричать или запутаться в собственных рассуждениях…

– Марк, каким образом ты зарабатываешь себе на жизнь?

Он уставился на нее, совершенно ошеломленный.

– У меня чин майора, я получал жалованье.

– Но ведь теперь ты уже не в армии.

Он уже с трудом сдерживал раздражение.

– Богатая леди должна копировать твой стиль? Совершенно очевидно, что благородный джентльмен не может зарабатывать деньги, иначе его голубая кровь быстро превратится в черную.

– Но на мне лежит огромная ответственность. Я должен наблюдать за имением и другой собственностью, принадлежащей семье, за нашими землями и домами, о которых ты и не подозреваешь. Я отвечаю за каждого мужчину, женщину или ребенка, которые работают на нас, я…

– Другими словами, ты сумел все прибрать к своим рукам.

– Ты знаешь, что титул для меня мало что значит, я лишь выполняю обязанности старшего в этой семье.

– Сколько же тебе лет, Марк?

– Ты отлично знаешь, что мне двадцать четыре.

– Следовательно, для тебя это слишком непосильная ноша, ты еще так молод, – сказала она с раздражением.

– Ах вот как ты заговорила! И это зная, что на мне лежит столько забот обо всех вас. Ты решила повернуть обстоятельства против меня? Не пытайся делать это, Дукесса. Я уверен, что твоих способностей недостаточно для того, чтобы зарабатывать на жизнь, и у тебя нет доли наследства, которая дала бы тебе возможность стать независимой, хотя ты и могла оплачивать этот проклятый коттедж… – Он остановился, глаза его снова блеснули. О, если бы она опять сжала свои хорошенькие ручки в кулачки!

Дукесса лишь раздраженно повела плечами.

Он решил продолжить:

– Твой мистер Уикс приезжает завтра. Что скажешь?

– Думаю, что он захочет поговорить с нами обоими. Ты планируешь быть здесь?

Он хотел бы ответить, что уедет, но сдержался.

– Разумеется, где же мне еще быть, как не здесь. А теперь я отправляюсь спать. Увидимся за завтраком.

– Доброй ночи, Марк, и приятных снов.

Он усмехнулся. Она смотрела, как он покидает гостиную, ступая по роскошным персидским коврам мимо предметов обстановки времен Генриха VIII. Она помедлила, прежде чем тоже покинуть Зеленую гостиную, которую часто называли «Зеленым кубом». Окна украшали витражи, переливающиеся разными оттенками зеленого. Свод поддерживали резные балки с фамильным геральдическим орнаментом. Между балками виднелись живописные сцены, написанные в свободной манере XVI столетия. Часто повторялась одна сценка: юноша, играющий на лютне перед прекрасной дамой. Ниже были обильно разбросаны фигурки бело-розовых, наивно и нежно смотрящих херувимов. Они будто поддразнивали рыцарей с мечами и щитами, помещенными под ними на полосе стенного фриза шириной около фута. Этот ряд был дописан в более позднее время и не отличался единством стиля, неся уже черты эклектики.

Почему Марк счел нужным напомнить ей о завтрашнем визите мистера Уикса? Она перевела свой взгляд на огонь, догоравший в камине, думая о Марке, вспоминая, каким он был в детстве – вечно впереди всех, придумывал новые игры и проказы, вовлекая в них младших кузенов Чарли и Марка, которые охотно принимали его лидерство. Но потом он выпал из ее жизни на целых пять лет – ушел в армию, побывал на войне… Сейчас ей было бы легче воспринимать его бушующим, страстным тираном, чем скучным моралистом. Ведь он был «сыном дьявола», как любил повторять отец; тогда она не понимала, что он произносил это с нежностью и даже уважением к сильному, решительному характеру своего племянника. По крайней мере так было, пока не погибли его собственные сыновья.

Она удивлялась, почему относительно легко закончился вечер? Дукесса видела, что Марк готов был взорваться, но сдержал себя по какой-то причине. Хотела бы она посмотреть на него сейчас, когда он один и, возможно, дал выход гневу.

На самом деле Марк в это время находился в состоянии глубокой прострации. «Проклятая девчонка, если она не изменится, я задушу ее… или ей разобьет жизнь какой-нибудь светский хлыщ».

– Могу я спросить, что с вами происходит, милорд?

– Твои уши слишком хорошо слышат, Спирс. Ладно, меня раздражают секреты Дукессы. Она не желает ничего объяснять. Каким образом ей удалось содержать этот проклятый коттедж, платить Баджи, покупать еду, как она…

– Я почти понял вас, милорд.

– Мне кажется, что она все еще продолжает стоять там, спокойная и невозмутимая, улыбаясь своей загадочной улыбкой. Я просил, убеждал, разыгрывая перед ней шута. Почему она ничего не сказала мне? – Оттолкнув Спирса, Марк стянул с воротничка бабочку и в ярости швырнул ее на кровать. – Она как ни в чем не бывало заявила мне, что отправится в Лондон сразу после рождественских праздников, но я сумел одернуть ее, так и знай!

– Могу я узнать, как вашему сиятельству удалось одернуть ее?

– Я сказал, что скоро стану ее опекуном и она будет вынуждена подчиняться мне до двадцати одного года. Если удастся, я постараюсь продлить срок опекунства до ее двадцатипятилетия. – Марк замолчал, хмуро глядя на ботинок, не желавший спадать с ноги.

– Позвольте мне, милорд, снять его.

Марк сел.

– Да, но она настолько своенравна, что постарается выскочить замуж за первого негодяя, лишь бы досадить мне. Представляешь, она даже ни разу не повысила голоса! В отличие от меня. Это не в ее правилах. Она лишь смотрела на меня, как на какое-то зерно сорняка, занесенное случайным ветром в ее сад.

– Но, сэр, вы такая высокая особа, граф Чейз! Вы не могли показаться ей каким-то мелким зерном, скорее она видела в вас красивую крупную луковицу какого-нибудь прекрасного цветка.

– Или, скорее всего, червяка.

– Возможно, и так, милорд.

– Она проклятая гордячка. И ты тоже решил посмеяться надо мной, Спирс?

– Разумеется, нет, милорд. Это чересчур обидная мысль. Позвольте снять с вас второй ботинок, сэр.

Марк скинул ботинок с ноги и, продолжая муссировать свои обиды, бросил какое-то ругательство.

– Теперь еще этот проклятый Уикс! Зачем он приезжает завтра утром? Что вообще происходит, Спирс?

– Осмелюсь сказать, мы скоро узнаем это, милорд. Я хотел, впрочем, кое о чем попросить вас. Не могли бы вы все же позволить Баджи остаться здесь? Он очень искусный повар, к тому же мозги у него устроены наилучшим образом.

– Этого ее проклятого слугу?

– Да, сэр. Я обещаю поговорить с миссис Гузбери. Возможно, она позволит мистеру Баджи готовить какие-нибудь его особые блюда.

– Но ты упускаешь кое-что из виду, Спирс. Она жила с Баджи рядом, в одном доме. Они были только вдвоем. Это немыслимо для девушки ее возраста.

– Вашему сиятельству нужно понять, что этот Баджи годится ей в отцы. Он не мог бы причинить ей никакого вреда, а заботиться о ней привык, когда она была еще ребенком. Он всегда защищал ее.

«Теперь это намерен делать я», – подумал Марк, вслух лишь выругавшись. Он стоял совершенно обнаженным, протягивая руки к огню в камине.

– Не желаете ли надеть ночную сорочку, милорд? Я слышал от Бидла, второго лакея, что, по всем приметам, эта ночь будет очень холодной, температура значительно понизится. Он прожил в этих местах всю жизнь, и несколько поколений его рода успело смениться здесь, рождаясь и умирая. Он не мог ошибиться.

– Нет, – отказался Марк, – никаких сорочек. Это приличествует лишь женщинам, а я привык дрожать в палатке под тоненьким одеялом. Как все же ты думаешь, что понадобилось здесь этому парню Уиксу, Спирс?

– Не могу знать, милорд. Вам лучше улечься в постель, чем не переставая думать о всякой ерунде.

Марк нырнул в огромную постель, которую Спирс уже успел согреть грелкой. Он вздохнул, чувствуя приятное тепло. Невероятно, как ему удавалось оставаться здоровым, ночуя в холодной палатке в Португалии.

– Что-нибудь еще угодно его сиятельству?

– Гм… нет, спасибо, Спирс. Скажи лишь, где ты в последний раз видел Эсми?

– Последний раз я видел ее спокойно спящей возле камина, сэр.

– О, ты ошибаешься, Спирс! Она здесь, у меня под одеялом. Заметив, что ты согрел простыни, она сочла, что в моей постели ей будет гораздо мягче и удобнее, чем на каком-то полу. Сейчас она, кажется, подбирается к моему животу.

– Чертовски ласковая зверюшка, милорд. Спите спокойно. Завтра мы все равно увидим этого Уикса, так что не стоит думать сейчас о нем.

Мистер Уикс прибыл на следующее утро в одиннадцать. Марк наблюдал из окна за пожилым джентльменом, осторожно выбиравшимся из экипажа. Он не мог различить черты его лица – мешали огромная меховая шляпа с отворотами и не менее чем три плотных шарфа, обвязанных вокруг воротника огромного и невероятно толстого шерстяного пальто. Казалось, что от веса этого пальто даже земля должна задрожать.

Марк направился в библиотеку, прикидывая, что мистеру Уиксу должно понадобиться не менее получаса, чтобы освободиться от своих одеяний.

Вскоре к нему вошел с докладом Сэмпсон.

– Мистер Уикс настаивает, сэр, что при вашем разговоре должна непременно присутствовать Дукесса.

– Он… он настаивает? Что ж, я предвидел, что разговор будет непростым. Можешь пригласить сюда Дукессу.

– Она уже здесь, сэр, болтает с мистером Уиксом, заодно помогая ему избавиться от теплых прокладок.

– Ах, как это великодушно с ее стороны, – сказал Марк саркастическим тоном, чувствуя досаду и раздражение. Что ж, пришло наконец время, когда все выяснится. Очевидно, мистер Уикс хочет сообщить ему о сумме денег, которую выделил для Дукессы дядя. Велика важность! Он сам готов был выделить деньги ей на приданое. – Когда она наконец справится с его одеждой, пригласи их сюда, Сэмпсон.

Только спустя десять минут мистер Уикс, худощавый человек, с глазами, окруженными разноцветными прожилками, появился в библиотеке. Дукесса шла рядом с ним. Он оглядывался вокруг с нескрываемым интересом. Здесь было множество томов по истории и другим наукам. Марк почувствовал гордость за семейное достояние и взглянул на Дукессу. Лицо ее казалось непроницаемым, он ничего не мог прочитать на нем. Девушка смотрела так спокойно и уверенно, что, казалось, чувствовала себя здесь владелицей, принимающей просителя из

какого-нибудь богоугодного заведения, например из приюта для сирот, и намерена сделать благотворительный взнос.

Но мистер Уикс был адвокатом, к тому же очень известным и уважаемым во всем Лондоне. Он был нанят дядей и пришел объявить о законных правах Дукессы. О чем еще могла пойти речь, как не о выделении ей определенной части наследства? Странно, что дядя предпочел нанять для этой цели адвоката, а не воспользовался услугами мистера Брэдшоу, как обычно было в течение последних восьми лет.

Какого черта, что скрывалось за всем этим?!

Глава 6

– Это Марк Уиндем, граф Чейз и мой кузен, мистер Уикс, – сказала Дукесса.

– Милорд… – Голос мистера Уикса зазвучал неожиданно твердо и уверенно для человека такого преклонного возраста. Марк заметил также, что глаза его светились неподдельной живостью и умом, и понял вдруг, что он может быть весьма серьезным противником. – Очень рад видеть вас. Возможно, вам кажется несколько странным, что я пожелал встретиться не только с вами, но и с мисс Уиндем?

– Почему бы и нет, ведь она теперь леди, леди Уиндем.

Одарив его лучезарной улыбкой, Дукесса опустила глаза.

Марк перевел взгляд с Дукессы на адвоката.

– Может быть, вы подсядете ближе к огню и расскажете подробно обо всем, что касается этого дела?

– Благодарю вас, сэр. Погода сегодня такая холодная и ветреная, я уже думал, что мои старые кости не выдержат этого. Что ж, начнем.

Марк присел рядом с Дукессой на изящный старинный диванчик времен королевы Анны.

– В настоящее время, милорд, я полагаю, вы уже полностью в курсе того, что предыдущий граф Чейз вступил в брак с миссис Кокрейн и признал законным своего ребенка от этого союза?

– Да, и я одобряю его действия. Но почему мне все-таки сразу не сообщили об этом?

Мистер Уикс, нисколько не смущаясь, немедленно ответил:

– Это было условием вашего дяди. Сначала я должен был оформить все бумаги по признанию его дочери законной и лишь потом сообщить об этом членам семьи Уиндем, включая и жену его самого младшего брата, проживающую ныне в колониях в Балтиморе. Это было сделано для того, чтобы предохранить мисс Уиндем, или леди Дукессу. Мне представляется это совершенно понятным, милорд.

– Да, разумеется, – согласился Марк, вдруг резко поднимаясь и подходя к камину. – Ведь узнав об этом до того, как были оформлены бумаги, я мог бы отправиться в Смарден и задушить там Дукессу прямо в ее постели, а потом сбросил бы ее тело с дуврских утесов. Надо было обладать большим благоразумием, чтобы не дать мне повода совершить подобное. Благодарю, что уберегли меня от этого искушения.

Дукесса сочла необходимым вмешаться:

– Он лишь шутит, мистер Уикс. Так случилось, что после смерти младших Чарли и Марка мой отец стал более натянуто относиться к сыну своего младшего брата. Его настроение можно понять, ведь его дети умирали один за другим. Он вовсе не считал Марка недостойным человеком, хотя и часто подшучивал над ним. Марк, я абсолютно уверена, что ты никогда и в мыслях не допускал причинить мне боль.

– В это трудно поверить, Дукесса, – ответил Марк, – но дядя считал несправедливым то, что я остался жить, в то время как его дети погибли. Очевидно, он считал, что я или должен был спасти их, или умереть вместе с ними. Но я находился в тот момент на конном заводе в Ротмери. Несмотря на это, дядя начал почти ненавидеть меня.

– Ты явно преувеличиваешь, – сказала она.

– Позвольте мне тогда спросить вас, мистер Уикс. Говорил ли вам когда-нибудь дядя о своей привязанности ко мне? О том, что он хотел бы видеть меня своим наследником?

– Будет лучше, если я отвечу на этот вопрос чуть позже, милорд. А пока я хочу спросить вас… Как вы считаете, зачем мне понадобилось приезжать сюда и вести с вами этот длинный разговор, когда дело и без того ясно?

Марк невольно наклонил голову вперед с каким-то странным, угрожающим видом.

– Очевидно, вы считаете необходимым исполнить эту формальность. Прошу вас, скажите нам все, мистер Уикс.

– Хорошо. Я должен объявить, что предыдущий граф Чейз завещал все свои деньги, дома и имущество не естественному наследнику, которым являетесь вы, милорд, а своей дочери, Джозефине Уиндем.

Установилось тягостное молчание. Произнесенное казалось невероятным. Марк уставился на Дукессу, ничего не понимая. Через некоторое время он, взяв себя в руки, сказал очень спокойно:

– Джозефина? По-моему, это самое противное имя, какое я когда-либо слышал. Вы должны каждый вечер поминать меня в своих молитвах за то, что я перекрестил вас в Дукессу.

Мистер Уикс нервно посмотрел на свои бумаги.

– Вы поняли смысл моих слов, милорд?

– Разумеется, сэр. Только что вы заявили мне, что я – ничтожный нищий, который живет и пользуется всем в имении, ему не принадлежащем. Меня лишили всего, я ограблен. Невозможно было нанести подобный удар с большим эффектом. Как видишь, Дукесса, я был прав в отношении дядюшкиных чувств. Интересно, оставил ли он что-нибудь своим дочерям Антонии и Фанни?

– Да, милорд. Он оставил по десять тысяч фунтов каждой. Граф также распорядился выделить определенные суммы родственникам и даже слугам.

– Следовательно, я один стал мишенью для его ненависти и мести – я, его прямой наследник.

– Не совсем так, милорд. Но леди Джозефина…

– Прекратите называть ее этим отвратительным именем. Итак, она – владелица всего, за исключением этого фамильного поместья, я полагаю. Что-нибудь еще отписано мне, мистер Уикс?

– Да, милорд. Дом в Лондоне на Путнэм-Плэйс выделяется вам в пожизненное пользование.

– Понятно, что-нибудь еще?

– Охотничий домик в Корнуолле, рядом с Сен-Ивс, а также две тысячи акров плодороднейшей земли к нему. Больше ничего, милорд, извините.

– Как… ни одного шиллинга, чтобы я мог содержать это проклятое поместье?

Мистер Уикс произнес очень медленно:

– Ваш дядя побоялся, что вы пошлете к дьяволу весь этот дом, раз он лишил вас всего остального имущества, поэтому он решил сделать меня опекуном наследия Уиндемов – денег, домов, земель. Я являюсь также и опекуном леди Дукессы до достижения ею совершеннолетия, то есть до двадцати одного года, после чего она сможет вместе со мной управлять всей собственностью Уиндемов. Я остаюсь опекуном при условии, что доходы с владений Уиндемов не перестанут увеличиваться с каждым годом. Этих владений очень много – в Девоншире, Сассексе и Оксфордшире. Таким образом, милорд, никаких денег в вашем распоряжении.

Марк молчал, вид его казался даже скучающим. Только где-то в глубине глаз пробегали губительные искры. Возможно, он накапливал в себе силы для мести.

Скрестив руки на груди, небрежно откинувшись, не замечая, что касается плечом каминной решетки, он наконец произнес:

– Ты ошибалась, Дукесса! Теперь ты видишь, что дядя ненавидел меня. – Он нервно усмехнулся. – Да, мне не просто утерли нос. Проклятый бастард – прости, Дукесса, я не имел в виду обидеть тебя, но ведь это так и есть, – я завишу от бастарда и мистера Уикса, которым обязан за все: за хлеб, который ем, за жалованье своему камердинеру, повару, дворецкому – всем слугам. От них зависит, выделить ли и сколько на содержание этого дома. И все из-за ненависти ко мне, из-за того, что у него не осталось собственного наследника.

Мистер Уикс выглядел необычайно угнетенным. Ему была явно неприятна эта сцена.

– Позвольте сказать вам, милорд, что я не раз спорил с вашим дядей, но он продолжал стоять на своем. Нет, он вовсе не испытывал к вам неприязни, я даже уверен в этом. Не понимаю, почему он решил поставить вас в столь зависимое положение, держать на регулярно выделяемом пайке.

Марк был уже на грани срыва.

– Представляю, как ты смеялась надо мной прошлой ночью, Дукесса, когда я самонадеянно распространялся, что стану твоим опекуном и выделю приданое, что беспокоюсь о своей семье. Теперь все в твоих руках. Как же я развлек тебя вчера!

– Но все совсем не так, позволь мне объяснить тебе, Марк.

К ее удивлению, он вдруг неожиданно быстро сумел взять себя в руки.

– Все так, Дукесса. Полагаю, мне надо обдумать создавшееся положение. Всего хорошего, мистер Уикс.

– Но, милорд, есть еще кое-что. Прошу остаться и выслушать меня.

– Неужели ко всему сказанному можно еще что-либо добавить? Вряд ли, мистер Уикс. Кроме того, я уже сыт по горло вашими новостями. – Слегка кивнув Дукессе, он вышел из комнаты.

Мистер Уикс покачал головой.

– Решение вашего отца выглядит не очень хорошо. На самом деле ему следовало ограничиться лишь признанием ваших законных прав и выделением доли наследства. Но дать вам все и оставить его сиятельство в таком зависимом положении… Он не способен унижаться, выпрашивая у вас каждые несколько фунтов. Это неслыханно, дорогая!

– Но ведь вы даже не сказали мне всего, мистер Уикс. Я знала лишь, что становлюсь богатой леди. То, что он так поступил, неправильно. Я не могу этого допустить. – Она открыто посмотрела ему в лицо. – Послушайте, сэр, я намерена отменить распоряжение отца. С Марком нельзя было поступать таким образом. Боюсь, что душевное равновесие моего отца было нарушено в момент составления завещания. Он всегда уважал Марка, хотя и подшучивал над ним. Марк не виноват в несчастье, которое случилось с моими братьями. Неужели мы с вами сможем распоряжаться деньгами Марка, держа таким образом его на поводке?! Это чудовищно. Все должно быть исправлено, и немедленно.

Она поднялась и начала расхаживать по комнате. Адвокат даже не представлял, что она может проявлять подобную нервозность. Наконец она вернулась к своему месту и села.

– Послушайте, мистер Уикс, вы должны оставить за мной какую-то часть наследства, а все остальное – и деньги, и дома, и земли – вернуть Марку.

– Извините, моя дорогая, но я никак не могу этого сделать, – печально откликнулся мистер Уикс.

– Что значит, вы не можете? Почему?

– Ваш отец предвидел возможную реакцию с вашей стороны, поскольку хорошо знал ваше доброе сердце, скромность и то, как вы всегда любили своих близких. Поэтому в завещании оговаривается, что в случае вашего отказа все должно быть передано жене его самого младшего, третьего брата, проживающей вместе с детьми в колониях. Сам брат умер пять лет назад.

Она ваяла листок бумаги и прочитала: «Миссис Вильгельмина Уиндем, Четырнадцатая Спринг-стрит, Балтимор, Мэриленд».

– Большая семья, как я понимаю, – сказал мистер Уикс, – трое детей рождены от этого союза.

– Но я никогда не слышала об этой Вильгельмине, а ведь она приходится мне тетей!

Мистер Уикс смущенно прокашлялся.

– Видите ли, дело в том, что последний брат был отчаянным игроком. Он проиграл все, и даже дополнительно доставшееся ему наследство какой-то дальней троюродной тетушки. После чего вынужден был отправиться в колонии. Там он встретил Вильгельмину Батс и женился на ней. Как ни странно, но Грант Уиндем был любимым братом вашего отца, несмотря на то что ваш дедушка презирал его. Он решил, что было бы неплохой шуткой притащить сюда семью выброшенного к черту на кулички третьего брата. Вот что предстоит, если вы откажетесь принять на себя ответственность. Теперь вы видите, что мои руки связаны так же, как и ваши. Уверяю вас, Дукесса, я не испытываю ни малейшего удовлетворения при мысли, что от моих пожеланий будут зависеть расходы графа. Я вовсе не собираюсь третировать его как бедного родственника и не хочу связывать ему руки, пожелай он произвести какие-то изменения в имении, сделать ремонт или просто вложить деньги с пользой для семьи. Я нахожу его амбиции совершенно справедливыми. Но не могу изменить то, что ему придется отчитываться за расходы перед нами.

– Вы совсем не знаете Марка, мистер Уикс. Он не примет никаких ваших уверений в том, что вы разделяете его негодование и намерены относиться к нему с пониманием. Он слишком горд. Более того, его кодекс чести никогда не позволит ему добровольно принять такое подчиненное положение. Его выдержка изумляет, когда дело касается высоких принципов.

Мистер Уикс в ответ странно посмотрел на нее – это длилось всего какой-то момент, потом ответил:

– Возможно, он и не примет этих условий. Но ведь он имеет понятие о чести и не может забыть о своих обязанностях и семейном долге, несмотря ни на что. Не захочет же он совсем устраниться от дел по имению? Я предупреждал вашего отца, что человек, который от моего имени будет заниматься вашими делами, вполне может начать относиться с неуважением к молодому графу, обращаясь с ним как с бедняком, которому он подает милостыню.

– И что же отец?

– Он лишь смеялся и потирал руки, совершенно довольный.

– Но неужели нет никакого пути, чтобы исправить эту несправедливость?

– О, разумеется, такой путь есть. Вдоволь навеселившись, граф поведал мне второе условие, полностью отменяющее все сказанное выше. Но этот второй пункт я имел право объявить лишь после первого – так захотел ваш отец. В случае выполнения условия, заявленного в этом пункте, Марку возвращаются все права прямого наследника. Но выполнение последнего зависит не только от Марка, но и от вас. Не знаю, захотите ли вы оба последовать ему…

– Умоляю вас, скажите скорее, что это за условие?

– Марк должен жениться на вас не позже чем через восемнадцать месяцев после смерти графа. Вы должны подарить наследника Чейзу. И, как он выразился, ваша кровь должна будет «исправить подпорченную кровь Марка».

– Подпорченную кровь Марка… Что вы говорите, мистер Уикс? Вы не забываете, что на самом деле я – бастард?

– Так говорил ваш отец. Он желал, чтобы ваш сын стал наследником Марка. – Мистер Уикс недоуменно пожал плечами. – Ваш отец сказал, что если вы не захотите выполнить это пожелание, пусть все катится к черту, превратится в руины. Вот как он сказал. Правда, составление завещания пришлось на время смерти вашей матери. Конечно, он был не в лучшем состоянии. «Уикс, – сказал он мне, – моей жены Бесс не стало, единственной женщины, которую я хотел всю жизнь. Она никогда не приедет в Чейз-парк, которому всегда принадлежала, будучи моей. Какой смысл в ее смерти? Я этого совершенно не понимаю. Пусть мой племянник вываляется в собственной желчи из-за той несправедливости, что я учиняю над ним. Но что значат его испытания по сравнению с моими? Как мне вытерпеть ту несправедливость, что учинил надо мной сам Господь Бог?»

Дукесса буквально онемела, не зная, что ответить. Наконец она заговорила, старательно контролируя свои чувства:

– Мой отец умер в прошлом январе. Это означает, что мы с Марком должны пожениться в июне.

– Да, чтобы быть точным – не позже 16 июня.

– Но почему вы не захотели сказать об этом Марку? Ведь это и в самом деле выход из затруднительного положения.

– Я пытался, но ведь он поспешно ушел. Сожалею, что принес столько неприятных новостей. Непременно скажу ему все до конца сегодня вечером. Но вам не кажется, моя дорогая, что прежде всего я должен поинтересоваться вашим мнением на этот счет. Если вы не желаете вступать в брак с кузеном, скажите мне об этом. Здесь абсолютно все зависит от вашего решения.

Она медленно поднялась, расправила юбку, поправила браслет на запястье. Мистер Уикс любовался ее грациозностью.

– Я потеряю все, если не пожелаю выйти замуж за Марка?

– Отнюдь нет, несмотря на это, у вас окажется пятьдесят тысяч фунтов, вы в любом случае станете очень богатой молодой леди. Но граф остается со своими проблемами. Имущество перейдет к семье третьего брата, живущей в колониях. Они смогут перебраться в Англию, если захотят. Марк будет получать лишь то, что необходимо на содержание Чейза. Простите меня, леди, но я должен был объявить обо всем лишь в этой последовательности.

– Значит, Марк окажется весьма небогатым, если мы с ним не поженимся до 16 июня?

– Да, моя дорогая.

– Подобно Марку, мистер Уикс, я нахожусь в полнейшем замешательстве и должна все обдумать. Прошу меня извинить. Вам уже показали вашу комнату? Мы здесь придерживаемся сельских обычаев и обедаем поздно, в половине седьмого вечера. Если вам не трудно, будьте, пожалуйста, в гостиной к шести.

Она улыбнулась какой-то ускользающей улыбкой. Это была скорее не улыбка, а ее тень.

– Итак, до вечера, мистер Уикс. Если вам что-нибудь понадобится, обратитесь к Сэмпсону.

– Спасибо, – ответил он, не отрывая глаз от ее грациозной походки. Каким образом молодой девушке удается оставаться столь выдержанной и собранной? Кажется, она любила своего кузена, иначе зачем ей так беспокоиться о нем, думать об отказе от наследства? Интересно узнать, какие чувства испытывает граф? Захочет он жениться на этой красавице, или она не в его вкусе, и он пошлет ее к дьяволу со всеми деньгами? Или, что тоже возможно, она ему нравится, и он хочет жениться на ней, но откажется от этого из-за своей гордости, из-за того, что рухнул весь его мир?

Он казался очень гордым и непредсказуемым молодым человеком. Предыдущий граф намекал на распущенность своего прямого наследника, на его склонность к дурному, говорил о нем как о человеке, недостойном внимания и уважения. Но теперь адвокату понемногу становилось ясно, что те слова были вызваны болезненным состоянием графа, смертью матери Дукессы.

Мистер Уикс снова и снова представлял различные варианты. Внешний вид Дукессы вряд ли мог оскорбить чей-то взгляд. И тем не менее по своему происхождению она была бастардом. Ее новое положение и деньги приукрашивали, но отнюдь не сглаживали в глазах некоторых недостаток происхождения.

Что ж, время покажет.

Вечером граф появился около шести в очень элегантном черном костюме с бабочкой. Он был необыкновенно хорош собой, что отметил мистер Уикс. Еще ему показалось, что граф

перенял у Дукессы ее сдержанную манеру поведения. Ничего нельзя было понять по выражению его лица – он был вежлив, и только. В любом случае он оставался графом Чейзом и благородным человеком. С ним был его секретарь мистер Криттакер, не отрывавший восторженных глаз от Дукессы. Хотелось ущипнуть его или хлопнуть, чтобы он пришел в себя.

Обед проходил очень спокойно. Леди Гвент Уиндем, старшая сестра предыдущего графа, исполняла роль хозяйки и была очень внимательной и любезной со всеми, не исключая и скромной персоны адвоката. Она без устали болтала всякую чепуху за столом. Во время перемены с жареным поросенком, приправленным мускатным орехом, и ягненком, нашпигованным изрядно чесноком и обложенным белыми бобами, было заявлено следующее:

– Марк, ты должен сделать что-то с этой бесстыдной Эсми.

Тот удивленно взглянул на нее.

– Простите, мэм?

– Твоя кошка, Марк. Миссис Гузбери пожаловалась, что она стащила огромный ломоть ягнятины. Поэтому на блюде и находится так много бобов.

– Эсми всегда была очень проворной, – сказал Марк. – Надеюсь, ей удалось благополучно скрыться со своей добычей?

– О, да, доведя миссис Гузбери до белого каления и расстроив нервную систему Сэмпсона, который совершенно не выносит припадков гнева у миссис Гузбери.

– Что ж, возможно, сейчас самое время, чтобы допустить на кухню Баджи. Он отличный повар!

– Да, он превосходно готовит ростбиф, – вмешалась Дукесса, глядя на свою вилку с бобом. – Он обжаривает его в тесте, после чего все просто тает во рту. К тому же Баджи очень тонкий дипломат и быстро найдет общий язык с миссис Гузбери. Ты ведь хочешь, чтобы он приготовил для тебя мясо, Марк?

Не глядя на нее, тот проговорил в свой бокал, наполненный красным вином:

– Я непременно скажу Сэмпсону, что миссис Гузбери нуждается в отдыхе после всех махинаций моей кошки. Думаю, что уже завтра Баджи сможет приготовить мясо для нас, а миссис Гузбери в это время отправится навестить свою сестру в Скарборо.

– Но у нее нет никакой сестры в Скарборо, – вмешалась Гвент.

– Ну тогда она просто подышит немного свежим морским воздухом, – ответил Марк, безразлично пожимая плечами и считая вопрос исчерпанным. Он по-прежнему держался хозяином, хотя уже осознал настоящее положение дел. Мистер Уикс не мог дождаться конца обеда, чтобы переговорить с ним. Он не любил даже на самое короткое время оставлять дела запутанными.

Граф выглядел очень серьезным, хотя вся семья не уставала шутить за столом. Он был слишком спокойным… совершенно отстраненным. Впрочем, мистер Уикс не знал, каким образом граф вел себя обычно, он видел его впервые.

Только около девяти часов он смог обратиться к графу:

– Милорд, не могли бы мы с вами встретиться через несколько минут в библиотеке? Ваша ситуация критическая, но вы пока не знаете всех деталей.

Марк ответил очень тихо, так, чтобы его слышал только мистер Уикс:

– В чем дело, сэр? Вы недовольны моим решением отправить миссис Гузбери в Скарборо? Я должен был спросить вашего разрешения?

– Нет. Прошу вас, милорд, не откажите переговорить со мной.

Пожав плечами, Марк пожелал собравшимся приятного вечера и вышел из гостиной.

Путь к библиотеке показался Марку невероятно длинным. Он был настолько взвинчен, что не заметил идущую рядом Дукессу. Только столкнувшись с ней лицом к лицу в библиотеке, он спросил дрожавшим от ярости голосом:

– Что вам угодно здесь, Дукесса? Оставьте нас, отправляйтесь лучше подсчитывать свои доходы или… напишите письмо тому мужчине, что содержал вас в «Милом Крошке». Объясните ему, что больше не нуждаетесь в его деньгах и он тоже может отдохнуть заодно с миссис Гузбери в Скарборо. А хотя простите, я, кажется, забылся и не имею больше права указывать вам, сам существуя лишь на ваши подачки.

– Возьми себя в руки, Марк! Твоя ситуация вовсе не безнадежна, из нее есть выход. Ты должен выслушать мистера Уикса.

– Черт побери, ты даже не можешь не… – он прервался, устраиваясь за своим столом и принимая расслабленную позу. – Отлично, мистер Уикс, можете начинать. Чем вы еще хотите меня удивить? Могу я чувствовать себя свободно во всем доме или должен забиться в одну комнату?

– Ни в коем случае, милорд, – ответил мистер Уикс, сочувственно глядя на молодого графа. – Пожалуйста, я прошу вас выслушать меня, уняв свои гнев и амбиции! Существует выход для вас, и возможно, вы не сочтете предлагаемые условия слишком тягостными и обременительными.

– Выход из этого проклятия? Возможно, мой дядюшка отказал мне ружье, чтобы я мог сразу застрелиться, не мучаясь в нищете?

– Нет, милорд, ваш выход в женитьбе.

– Ах, богатая невеста! Дядюшка не возражает, чтобы я стал альфонсом. Надо лишь отправиться на светскую ярмарку в Лондон и присмотреться к богатым мисс. Затем с Божьего благословения я получаю доступ к денежкам какой-нибудь из них. Жена будет выдавать мне на карманные расходы. Замечательная мысль, мистер Уикс, но меня от нее почему-то мутит.

– Марк, пожалуйста, послушай!

– Дукесса, я близок к тому, чтобы смахнуть на пол эту прекрасную китайскую вазу, которую так любил дядя. И если ты не уйдешь… я поколочу тебя.

– Возьми себя в руки, Марк. Я не могу уйти, ведь это касается нас обоих…

Эти последние слова наконец привлекли его внимание.

– Нас обоих? Какого черта, что все это значит?

– Это значит, милорд, что ваш дядя предусмотрел выход для вас. В случае женитьбы на наследнице возвращаются все ваши прямые права. Вам нужно лишь жениться на Дукессе, милорд.

Марк в изумлении воззрился на адвоката. Мистер Уикс облизнул пересохшие губы, готовясь привести новые аргументы в пользу такого решения, но, взглянув в лицо Марка, остановился. Глаза его были налиты кровью. Оставаясь в шоке, он молчал. Дукесса же молчала по своему обыкновению. В выражении ее лица не было и намека на какие-либо чувства. Вряд ли ее вид мог приободрить графа. Мистер Уикс вдруг понял, что именно это ее снисходительное, молчаливое согласие больше всего бесит Марка.

Наконец, после нескольких тяжелых минут молчания, в течение которых мистеру Уиксу удалось вспомнить чуть ли не всю свою жизнь, Марк шутовски произнес:

– Жениться на ней? На Джозефине? – Он смерил Дукессу тяжелым взглядом, задержавшись глазами на груди. – Жениться на особе с таким отвратительным именем? Я даже представить не могу, как буду шептать ей в пылу любви: Джозефина… Джозефина. При этих звуках я съеживаюсь, словно прошлогодний картофель в подвале. Все это, должно быть, очередная шутка моего дяди, мистер Уикс, давайте, договаривайте до конца.

– Больше никаких шуток, милорд. Почему бы вам не называть ее, как обычно, Дукесса? Вы дали ей это имя, и оно вам всегда нравилось.

– Дело не только в ее проклятом имени, мистер Уикс. У этой девушки ледяная кровь. Только посмотрите на нее – сидит как скала. Она здесь вообще отсутствует. Не знаю, где она? Может быть, мечтает о своих проклятых цветах или еще о чем-то? Простые смертные не инте-

ресуют ее. Можно подойти и повесить плакат у нее на груди, она не шелохнется. Птицы могут свить гнездо у нее в волосах. Что в этом особенного, стоит ли обращать внимание? Разве ее может увлечь такое обыкновенное существо, как мужчина, с его грубым телом и желаниями, со своей готовностью восторгаться ею?

– Милорд, прошу вас, умерьте свой пыл! Я понимаю, вы находитесь в шоке, но согласитесь, что это был бы идеальный выход для вас.

Дукесса сидела, вжавшись в угол диванчика. Она тоже была в шоке, но прятала его глубоко внутри, не двигаясь, почти не дыша. Обидные слова болью отдавались где-то в сердце – это было невыносимо. Бедный мистер Уикс бесполезно пытался успокоить Марка, казавшегося одержимым. Она не могла представить, что он позволит себе говорить подобное. Но ей надо было предвидеть. Марк, такой сильный и гордый, стал объектом слишком жестокой шутки. Она не могла оторваться от дьявольской усмешки, искажавшей красивые правильные очертания его рта, наблюдая за ним с каким-то странным болезненным чувством.

Марк говорил и говорил что-то, захлестнутый приступом отчаяния, невыносимо страдая от поражения.

– …Можете ли вы вообразить ее в постели, мистер Уикс? Попробуйте отбросить несколько десятков лет, двадцать или тридцать. Уверен, у вас очень богатое воображение. Посмотрите, разве она не прекрасна?! Не только лицо, но и тело, такое высокое и стройное, с соблазнительной грудью и бедрами. Но горе мужчине, который позволит себе посмотреть на нее с большим чувством, чем на холодную статую или изображение, выполненное кистью художника!

Можете ли вы представить ее приветливой женой, мистер Уикс? Она настолько холодна, что трудно увидеть в ней живое существо. Она будет презрительно посматривать на вас, как на какое-то животное, у которого нет других занятий, как только находиться с ней в одной комнате. Разумеется, она постарается не показывать вам своего отвращения. Возможно даже, иногда она одарит вас одной из своих жалящих улыбок – и эту презренную малость она сумеет подать как жертвоприношение. В спальне она будет лежать неподвижно на спине, холодная снаружи и внутри. Не слишком приятная перспектива, мистер Уикс!

Адвокат все еще пытался исправить положение. Прокашлявшись, он приготовился говорить, но полная безнадежность была написана на его лице, а голос дрожал:

– Послушайте, милорд, вам необходимо справиться со своим состоянием и спокойно все обдумать.

– Предпочитаю женщину, которая будет убегать от меня с криками, той, что будет молча лежать, жертвенно исполняя свой долг или всхлипывать, наподобие христианской мученицы, пока я не наполню ее своим ядом.

Мистер Уикс в очередной раз прокашлялся:

– Но, сэр, это уже крайне обидно, невозможно, слишком зло, непристойно и…

– Обидно? Уверяю вас, мистер Уикс, эта обида ничто в сравнении с той, что нанесли мне. Зло? Но все это лишь слова, беспомощные слова, в то время как я лишен…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.